

ХТЛЪТ СМЕРТИ

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ

16+

Алексей Егоров

Культ смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Егоров А.

Культ смерти / А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98985-6

На просторах Обитаемых земель встречаются разнообразные племена. Некоторые используют труд угнетенных; другие пытаются все объяснить законами чисел; большинство предпочитает обращаться к духам. Минурт – мистик, живущий среди духов, знаток тайных учений. Человеческая сущность представляется ему несовершенной. Подчиненный вечному движению, Минурт отправляется в страну варваров, изучить появившийся там культ. Он выполняет долг, собирая знания по всему миру. Культ Смерти изучает слабости человека, пытаясь от них избавиться. Ведь все, происходящее в мире, ведет к единственно возможному исходу.

ISBN 978-5-532-98985-6

© Егоров А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Егоров

Культ смерти

Глава 1

Большой корабль, потрепанный шквалистым ветром, не смог пристать в Циралисе. Ветра, срывающиеся со склонов южного побережья Гирции, привычная опасность. Ежегодно ветра брали дань кровью и грузами, разбивая массивные корпуса в щепы. Это стихия, это ее свойство и обязанности. Люди привыкли к капризам ветров и волн.

Для иноземного зерновоза большую опасность представляли люди. Не команда, что месяц боролась с противными ветрами и течениями, не пираты, наводнившие окрестные воды, а честные магистраты порта.

Кроме зерна на корабле находились пассажиры. Живой груз не предназначался для продажи. Люди бежали от войны, бросив все, забрав с собой только то, что могли унести. Мертвым серебро и медь без надобности. Зато навклеру тиринского зерновоза металлы нравились.

Словно древний бог навклер требовал от пассажиров оплату. Монеты, украшения, утварь. Тиринское стекло особенно интересовало корабельщика. Его он мог продать в Дирахии – порт, остающийся открытым для купцов.

Брошенный ветром корабль оказался в пограничных водах Циралиса. У навклера не осталось выбора, только направить судно в порт.

Иных могло удивить, что тиринец направлялся с грузом зерна в порт Гирции. Он собирался снабжать врага, что угрожает его отчизне.

Война для тиринского навклера не была чем-то особенным. Во время конфликта цены на зерно всегда растут. Если раньше за рейс он мог отбить стоимость корабля вдвое, то теперь доходность предприятия возрастала в десять раз!

Да, ему не будут рады в Циралисе. Не прогонят. Позволят разгрузиться.

Было бы лучше направиться в Дирахий, но так уж решили боги морские и небесные. Корабль бросило к Циралису, ставшему врагом Тирина.

Если зерну гирцийцы будут рады, то пассажирам, что прятались под палубой – нет. Их продадут.

Не сказать, что их участь беспокоила навклера. Репутация тиринцев общеизвестна: многие пассажиры становятся всего лишь товаром. Соотечественники или иноземцы, мужчины или женщины – это роли не играет.

Навклер так бы и поступил. Пристав к причалу, тут же сдал бы пассажиров. Возможно, несговорчивые гирцийцы поблагодарили бы его за услугу.

Но среди пассажиров оказался один ушлый мужчина. Такой же несговорчивый и серый, какими виделись тиринцу люди из этой северной, холодной земли. Этот мужчина выторговал не только право проезда, но и потребовал от навклера клятву, принесенную на алтаре Всевышнего.

Такие клятвы не нарушаются.

Мужчина требовал клятвы только для себя. Но высадить его отдельно в Гирции не представлялось возможным.

Потому навклер искал подходящую гавань, где выбросит всех пассажиров. Свою часть сделки он выполнит. Клятву не нарушит. А уже в порту Циралиса, если потребуется, доложит о чужаках.

Вроде бы складывается. И боги не гnevаются на навклера. Так почему же проклятый ветер не позволяет уйти к Дирахию.

Корабль бросало на скалы. Порывистый ветер, совсем не летний, кренил зерновоз. Высокие волны захлестывало через борта, что пагубно сказывалось на качестве груза. В том числе и живого.

Навклер запретил пассажирам появляться на палубе. В гирцийских водах встречаются патрульные суда. Вряд ли военные моряки сообразят, что на корабле кроме торговца и его рабов находятся пассажиры. Рисковать не надо.

Один из пассажиров нарушил приказ навклера. Тот самый мужчина, что выторговал клятву.

Пассажир поднялся на палубу, словно не замечая сильного волнения. Он не держался за канаты, как делали это моряки. Его не беспокоили ледяные брызги разгневанного моря.

Лицо пассажира было серым, но не из-за качки и ее последствий. Еще в порту Тирина этот человек удивил навклера внешностью.

Он тоже тиринец, на что указывали курчавые жесткие волосы, крючковатый нос и темные глаза. Брови почти срослись в одну линию, что должно было придавать лицу грубость. Потому многие тиринцы выщипывают брови, подкрашивают глаза.

Пассажир подобного не делал. Но лицо у него отличалось утонченностью. Словно вечная усталость поселилась в его глазах. Изможденное лицо, запавшие щеки.

Варвар не заметил бы серого оттенка лица. Лишь соотечественник мог обратить внимание.

Не носил пассажир украшений, кутался в простой шерстяной плащ. В одежде никаких ярких красок. Что, впрочем, теперь редко встречается и в самом Тирине. Война отразилась на благосостоянии людей.

Славный город востока посерел за неполный год. Превратился в безжизненный, унылый город – как у этих варваров, гирцийцев.

Страшная метаморфоза, навклер надеялся, что город восстановится.

Он всегда восстанавливался. Какие бы враги не приходили, им не удавалось покорить Тирин. Сжечь – да; разрушить – не раз случалось; жителей уводили в рабство, их косила чума, но Тирин возрождался.

К тому же, гирцийцы больше воюют с западными колониями, чем с метрополией.

Война несет как благо торговцам, так и вред.

– Вернись под палубу! – крикнул навклер пассажиру.

Тот повернул голову, покачал головой.

– Мы ушли далеко от Дирахия.

Навклер хотел добавить, что клятва включала уговор про Дирахий. Формально она уже выполнена.

Пассажир, словно догадался о мыслях моряка и сказал:

– Поступай, как того желаешь. Ты исполнил свой уговор.

– Да? – удивился навклер. – Раз так, я направляюсь в Циралис! Этот ветер не позволит мне пристать к берегу. Сами разбирайтесь с магистратами.

Судьба, уготованная пассажирам, очевидна.

Возможно, тиринец рассчитывал, что сможет договориться с портовыми чиновниками. У этого серого человека наверняка есть деньги и влияние. Им он собирается воспользоваться.

Серому невдомек, что гирцийцы не станут его слушать. Скорее всего казнят, как лазутчика или отправят на рудники. Самому моряку ничего не грозит. Груз зерна спасет его от гнева гирцийцев.

Успокаивая себя, навклер приказал кормчему направить корабль в порт. Видит бог, он не изменил клятве. Сам пассажир освободил его от уз.

Имени серого моряк не знал. Не успел познакомиться с ним за время пути. Серый всегда сидел в стороне, ел из собственной миски только то, что взял с собой. Целый месяц на скудном рационе, неудивительно, что его кожа приобрела нездоровый оттенок.

С другими пассажирами навклер познакомился. Месяц в пути вынуждал общаться с людьми на борту. К тому же это были свободные люди, а не рабы, составляющие команду судна. С равными навклер мог поговорить.

Некоторых он знал еще по Тирину. Сердце навклера не испытало горечи от осознания, какая судьба ждет пассажиров. Видит бог, он сделал все возможное.

Серый пассажир спустился под палубу, через некоторое время появился наверху.

В руках у него была котомка с вещами, заметно похудевшая за месяц. Что внутри котомки, навклер не знал, но очень хотел узнать. Теперь все содержимое мешка перейдет гирцийским таможенникам.

Жаль, там наверняка еще с десятков серебряных монет. Порой навклер замечал звон в котомке пассажира. Это случалось так редко, что становилось событием. Серый двигался мало, почти не издавал звуков. Даже у носового свеса его не замечали. Насчет последнего рабы могли соврать. Навклер не верил, что человек может месяц терпеть нужду.

– До порта еще дня два, если не три! – крикнул навклер.

Пассажир проигнорировал. Он забросил котомку на плечо и стоял у края борта.

«Прыгнуть, что ль, удумал» – подивился навклер.

Самоубийство! Но если он так хочет, так пусть ныряет за борт. Волны разобьют его, тело утянут на дно голодные духи.

Месяц в пути не отразился на одежде путешественника. Он оброс, да. Борода явно ждала внимания цирюльника. Но одежда – как новая! Только сейчас морская вода начала ее портить, пропитывая солью. Одежда отяжелела. Шерстяная туника утянет самоубийцу на дно. На радость местным духам.

В окрестностях Циралиса моряк из Тирина чувствовал себя неудобно. И в летние месяцы, когда ветер подгоняет корабль в порт, когда жара давит, от вида бирюзовых волн становилось не по себе.

Внизу будто живет нечто, провожая ленивым взглядом корабли. Огромная рыбина, затаившаяся до поры. Не хищная, иначе она бы бросалась на всякое судно. Слишком умна, чтобы дергаться.

Над головой кружились птицы, насмешливо вопя над безумцем, нарушившим покой морских духов. Птицам ничего не грозит. Вон, угнездились в склоне, птенцы не высовываются. Наверняка смеются над тиринцами, явившимися в чужую страну.

А пассажир оставался у планшира. Не обращал внимания на удары волн, качку, порывы ветра. Он глядел на чужие берега, чего-то ждал. Будто сейчас подадут сходни, по которым он спустится на причал. Но до причала еще далеко.

Навклер думал загнать пассажира в трюм, но любопытство и осторожность заставили его сдержаться. Если пассажир намерен отдать душу хозяину этих мест – пусть! Морские духи удовлетворятся жертвой и отстанут от корабля.

Зерновоз тяжело продвигался на запад, ветер трепал отяжелевший от влаги парус. Вся команда забилась по углам, куталась в плащи. Стихли разговоры, свист ветра и звон натянутых канатов походили на призрачные голоса.

Только пассажир оставался у планшира. Не двигался все это время.

Солнечная колесница катилась на запад, собираясь нырнуть за горизонт. Оставшись без внимания Всевышнего навклер и другие тиринцы испытывали ужас. Моряки направили судно прочь от берегов, чтобы в ночи не наскочить на рифы.

Пассажир все ждал, не двигался с места. Одежда на нем отяжелела и задубела. Он наверняка замерз, но стойко переносил невзгоды путешествия.

– Проклятый дурак, – выругался навклер.

Уже совсем стемнело. Северная сторона мира темнела высокими скалами. Гирция погрузилась во тьму, но ее земли спорили с ночной тьмой. На западе порой чудились отблески уходящей колесницы. Особенно, когда корабль поднимала высокая волна. Ветер наконец-то переменялся, дул с кормы, натянув паруса.

Они более не хлопали, как крылья подбитой птицы. Корабль уверенно пошел на запад.

– Ребятишки, не спать вам эту ночь! – повеселел навклер. – Ловим ветер.

Хороший знак. Так подумал навклер.

Пассажир сошел на берегу в трех милях от Циралиса. За спиной о рифы терлись обломки корабля. Налетевший шквал бросил зерновоз на север, каменные зубы вспороли деревянное брюхо. На дно ушли десятки, сотни талантов зерна. Драгоценнейший груз, дороже золота и серебра, достался морским демонам.

Погибли все люди. Волны разметали тела, оставив раздавленные останки на черных камнях. С рассветом сотни крабов сбежались на пиршество. С черных скал на тела обрушились голодные птицы. Началось сражение за блестящие и вкуснейшие глаза.

Только пассажир с серым лицом пережил кораблекрушение. Он вымок за ночь, проведенную без сна на том месте, с которого не сдвинулся. Человек проигнорировал шквал, дождался высокой волны, что слизнула его с корабля и мягко перенесла к галечному берегу.

Мокрый, в ожерелье из пены и тины, человек вышел на берег. Болело бедро, щипали ссадины. Колени и ладони исцарапали острые гирцийские камни.

Еще не успело море сгладить осколки рушащихся склонов. Земля гирцийцев показала себя суровой и жадной хозяйкой. Только на такой земле могут рождаться такие люди.

– Капля крови для успокоения духов, – проговорил человек, глядя на порез, идущий через левую ладонь.

Кровь уже не текла, морская вода ускорила свертывание крови. Жуткая боль от пореза отдавалась в плечо, от боли заболела голова.

Бросив котомку на берегу, человек привел себя в порядок. Впервые за месяц пути он снял с себя плащ, тунику, распоясался и сбросил сапожки. От морской соли одежда задубеет. Знакомое состояние. Такой же эффект оказывает пролитая кровь. Следы от крови слишком заметны, пугают непосвященных.

Из плавника человек соорудил костер. Согрелся, подсушился. В котомке имелось все необходимое для дальнего путешествия. Навклеру не почудился звук драгоценностей. Только это были не монеты, а украшения – кольца, гривны, цепочки. Серебро постарело и почернело, а золото – золото! – сохраняло блеск. Древние кольца имели багровый оттенок. Некие примеси, о существовании которых человек не знал.

Патину можно стереть, вернуть украшениям первозданный вид. Этого человек не делал. У него имелись причины оставить вещи в том виде, в котором он их нашел. Патина на металле доказывает качество – одна из причин.

Среди вещей лежали простые инструменты. Ножом человек подровнял бороду, чтобы не сильно выделяться. Да, он чужак, чужаком останется. Гирция, земля, в которую он прибыл, приняла различные народы. С короткой курчавой бородой иноземец не так бросался в глаза.

Сменить бы одежду, но это удастся сделать позже.

Обрезки волос он кинул в костер. Некоторое время человек наблюдал за танцующими огоньками. Он ни о чем не думал, просто следил за игрой света. Позволил огню угаснуть, затаптывать угли не стал.

Человек поднялся по склону, нашел тропинку. Тут все тропинки ведут к человеческому жилью. Море кормит местных. Даже такая неудобная гавань используется. Хотя бы для сбора моллюсков и крабов.

Луга, идущие от склона, облысели. Редкий холмик мог порадовать высокой травой, скрывающей тропу. Обычно там росли горькие травы, потому пастухи не гоняли в эти места стада.

В каменистой почве легко прослеживалась тропа. Веками подошвы стоп и копыта подбивали камни. Глинистые места вытоптаны до блеска. Лужи – свидетельство недавнего дождя, высохли. Осталась мокрая земля, перемолотая десятками, сотнями следов.

Вдалеке в окружении деревьев находилось небольшое селение.

Чужак не смог посчитать количество дворов. Он остановился, втянул в себя воздух. Не приноживался, а словно пытался пропитаться запахами Гирции.

Дым. Овечий помет. Сухая солома.

Источник воды должен быть поблизости, иначе тут не возникло бы селение.

Чужак ощущал надобность утолить жажду. Чувство отвлекало, мешало сосредоточиться. Необходимо устранить эту проблему, иначе не удастся продолжить путь. Селяне должны подсказать, где находится источник пресной воды. У них теперь нет выбора.

Еще не дойдя до поселения, иноземец уже знал, что там четыре двора. Подходящий знак, ровный. Иначе быть не могло.

Эти люди жили животноводством, постоянно сталкивались со смертью. Они вынуждены забивать животных, продавать их мясо и кровь. Своими действиями селяне кланялись смерти.

Вряд ли они согласились бы с мнением иноземца, но тот не станет говорить о таком. Еще не время.

Роца, окружающая поселение, явно творение человеческих рук. Пришедшие сюда поселенцы вырубали окрестные леса. Потомкам или тем, кто их сменил, пришлось восстанавливать насаждения. Иначе ветра смели бы с холма домишки. Пыль, соленый ветер превратили бы и без того худую почву в безжизненную.

Насколько знал чужак, к северу отсюда земли жирнее. И люди там проживают излишне веселые. Здесь же, как на далеком севере, необходимо бороться за существование.

Оглядываясь по сторонам, чужак видел насколько богаче эта земля по сравнению с Тиринном. Пусть домики были простыми – основание из камня, закрепленная над ним мазанка. Крыши соломенные, нет окон, дверной проем узкий и низкий. Жилища выглядели ухоженными, чистенькими.

– Не poznали вы скудности, – проговорил чужак, кашлянул.

Возникла необходимость прочистить горло. От долгого молчания в глотке застрял комок.

Иноземца не сразу заметили. Появился чужак беззвучно, на него не отреагировали собаки. А те уж должны были поднять лай, почуяв столь странного человека.

Подойдя к ближайшему дому, незнакомец постучал в калитку.

Скрипнула дверца, выглянула женщина. Не столько напуганная, сколько удивленная. Сидящая на цепи собака вновь не прореагировала на появление незнакомца.

– Доброго дня, хозяйка, – не улыбаясь, поприветствовал чужак, – мой корабль потерпел крушение. Выжил только я.

Обычно этого хватает. Не подвело и сейчас.

Последовавшие за приветствием охи и ахи, сменились бестолковой активностью. В чужаке признали гостя, женщина втянула его в дом, оставив дверь открытой. У хозяйки имелась лампада и запас масла к ней, но зачем тратить топливо, если солнце дарует свой свет бесплатно.

Женщину даже не удивило, что гость знает гирцийский. Купец какой-нибудь, тут такие встречаются. Длинная туника, восточного образца. Материя пропитанная солью. Смуглое лицо, слишком правильная речь.

На столе возникли миски с кашей, рубленные куски твердого сыра, черствый хлеб и кислое вино. Пока гость насыщался, утолял жажду, селянка успела оббежать соседей. Вскоре в домик набились женщины из других домов. Дети толпились у входа, глаза на иноземца.

За расспросами, болтовней, женщинам удалось узнать, где собственно разбился корабль. Несколько подзатыльников стали наградой для самого быстрого паренька. Тот с вестью бросился искать отца, который бродил со стадом в окрестностях.

Гость украдкой улыбнулся. Его ничуть не беспокоило, что местные собираются обыскать обломки. Их право. Во многих царствах жителям побережья позволяют поживиться дарами моря.

Как обстоят дела в Гирции, гость не знал.

За общей болтовней, никто не спросил его имени и откуда он явился. Женщины переключились на общение между собой. Обсуждали подачи, брошенные морем.

Гость удовлетворил потребности, переместился ближе к очагу, сохраняющим тепло с ночи. Женщины вдруг замолчали, прислушались и выпорхнули на улицу. Оттуда доносился шум, в пение голосов вплелись мужские тона.

Люди радовались похвалялись приобретениями.

Вот и славно, решил гость, так они будут открыты к общению. Не прогонят чужака. Теперь можно вздремнуть, некоторое время его не станут беспокоить.

Уже засыпая, иноземец ощущал, что в дом заходят люди, смотрят на него. Потерпевшего кораблекрушение никто не стал беспокоить.

Проснулся гость под вечер. Разбудил запах жаренного мяса и свежего хлеба. Снаружи устроили костер, на котором запекали ягненка, жарили пресные лепешки.

Потянувшись, гость улыбнулся. Мясом он не брезговал питаться, хотя многие из его коллег, считали это недопустимым. Но те облечены особой властью, потому несут подобный обет.

Даже от свинины гость не откажется. Хотя, селяне наверняка поняли, откуда пришел корабль, что за люди путешествовали на нем. Если они держали свиней, то не стали насмехаться подобным образом над пострадавшим. К тому же, они явно испытывали угрызения совести, забрав всё с корабля.

Им ведь невдомек, что корабль не принадлежит этому человеку.

Гость не стал развеивать их сомнения. Испытывающие неудобства люди охотней идут на контакт.

Выйдя из дома, гость увидел, что в стороне развели большой костер. Нюх не обманул его, глаза подтвердили – над огнем запекался ягненок. Жир с него капал на камни, где прилепились ароматные лепешки.

Поджаренные кусочки срезали острым ножом и складывали на капустные листья. Откуда-то принесли большой стол. С десятков мисок уже выставили на стол. В основном в них были корнеплоды: морковь, репа, редька. В других мисках были душистые травы, ни о каком перце, естественно, местные не знали. Еда их проста, но от того не менее вкусная.

Простой была посуда. Миски делали явно не на гончарном круге. Следы от пальцев на поверхности не стали затирать, они служили украшением края миски. Зато ножи из хорошего железа – куплено в полисе или отнято у погибших на берегу.

Гость многое знал о людях. Их проблема не в простоте пищи, а в однообразии. Даже жри ты мясо каждый день, вкус наскучит. Потому мясо жарили только по праздникам, в остальное время довольствовались самым простым.

Хорошие ножи, богатый стол – эти люди действительно не познали скуки жизни.

Гость решил не трогать их.

Возле костра собралось все поселение. Десятка три человек. Больше женщин и детей, чем мужчин. В селении остался один юноша.

Безошибочно гость выделил старшего в поселении. Не самого старого мужчину, зато отмеченного богами.

– Очнулся! – крикнул он, вдруг увидев гостя.

Староста вышел вперед, трое его товарищей встали рядом. Лица у всех одинаковые, хотя бороды скрывали черты. Братья или кузены. Так проще вести совместное хозяйство.

Кривые руки, широкие стопы, седые волосы, выбеленные временем и трудом. Но люди крепкие, что не скроют широкие, рабочие туники.

Они не сменили повседневную одежду на праздничную.

– Хайре, – приветствовал гость.

Забывшись, перешел на данайский. Но и это приветствие знакомо селянам. На востоке Дирахий, где это приветствие в ходу.

– Как звать тебя странник? Меня же зовут Крисс Тирак, – представился староста.

Имя не гирцийское, отметил гость.

Он кивнул, наверняка этот человек представитель местного племени, поработанного гирцийцами. Впрочем чужаки не должны различать племена. Гость не стал заострять на этом внимания.

– Меня зовите Минурт, сын Сэина, – представился гость.

Пришло время.

– Тамкарум? – спросил староста.

Он протянул гостю кружку с разбавленным вином, в напиток добавили меда. Скрывшись за сладким напитком, гость смог скрыть удивление.

А местные не так просты, как казались.

– Тамкарум, – согласился Минурт.

За этим мог последовать удар по черепу. В насмешку над всеми законами гостеприимства. Староста ухмыльнулся. Не пришло время Минурту расплатиться своей жизнью.

– Уж не гневайся, но твой корабль погиб.

Минурт пожал плечами. Он не отказывался от звания «тамкарум», так себя называли тиринские купцы. Минурт действительно торговец, но товар у него специфический. Все его богатство умещалось на плечах, кстати, западные варвары не посмели обокрасть его. Котомка осталась нетронутой. Минурт еще надеялся, что в поселении найдется тот, кто прошмыгнет в дом и покопается в мешке. Пусть забирает все, что приглянется.

– Море забрало твой товар. Бросило его на камни. Мы собрали не твое, а брошенное морем. Можешь сам пойти и поднять оставшееся.

– Взятое морем не смею требовать обратно, – пожал плечами Минурт.

– Вот и славно! – Староста хлопнул тиринца по плечу. – Отведай ягнятины. Заверни вот в этот лист, а вон тот соус из анчоусов, полей им обязательно!

И он принялся готовить угощение для гостя. Минурт наблюдал. Блюдо чем-то напоминало то, что делали у него на родине. Только там использовали не капусту, а пальмовые листья.

Бросив сверток на угли, староста дал огню облизать угощение, после чего вытащил. Огонь его не обжигал. Желудок человека распирала три кубка жидкого пламени.

Угощение оказалось неплохим, но пресноватым на вкус Минурта. Соус хотя бы немного спас положение. Чесочно-рыбный вкус портил нежное мясо ягненка, но без соуса еда была бы никакой.

Придется привыкать к варварской пище. Гирцийцы не избалованы ароматами специй.

– Откуда ты, Минурт? – чуть заплетающимся языком спросил Крисс.

– Как ты полагаешь? Из Тирина шел мой корабль.

– Везли много зерна, – покачал головой староста. – Печально видеть, как все это ушло. Но! С другой стороны, представь только, сколько рыбы тут будет.

Минурт подумал, что не в зерне дело. Скорее запах гниющего мяса их привлечет. На берегу появится много моллюсков, размножатся крабы, а уж они привлекут рыб, птиц. За живостью явятся люди. Глядишь, мелкое поселение на юге Гирции разрастется.

Круг жизни. Смерть не является концом для сущего, она открывает двери. Меняет реальность. Жизнь стремится к застою, с этим приходится бороться.

Простому крестьянину этого не понять, потому Минурт не озвучил мысль. Вот еще одна проблема, с которой он столкнулся в странствиях – не встретить равного себе.

Вместо этого Минурт спросил, стараясь, чтобы его лицо выражало скорбь:

– Удалось еще найти людей?

– Нет. Море их оставило себе. Тебе повезло, купец.

– Это не везение.

– Что же тогда?

– Закономерный ход событий.

Крестьянин пожал плечами. Может он знаком с фатализмом жителей востока, а может, нет. Глядеть в Бездну он не хотел, потому протянул купцу еще один сверток с мясом.

На этот раз Минурт ел его без удовольствия. Организм уже насытился, потому излишек заходил тяжело. Чтобы не обидеть крестьянина приходилось изображать наслаждение. К тому же крупный кусок помогал защититься от опасных разговоров.

Поселенцам хотелось расспросить гостя. Получалось так, что они задавали вопросы и сами на них же отвечали. Не замечая этого, крестьяне беседовали сами с собой, а гость находился вне круга, присутствовал как тень от костра.

Уже стемнело, с заходом солнца люди позволили себе расслабиться. В темноте радость опьянения и насыщения сменилась пресыщенным наслаждением. До разврата дело не дойдет, ведь поселенцы друг другу родственники. Вино не изменило настолько их сознание, чтобы разорвать кровные узы.

Возрождающийся бог мог бы преобразовать этих людей. Только его присутствие здесь не столь ощутимо. Крестьянам достались не лучшие его дары.

Опьянение развязало языки.

После захода Минурт узнал о них все и ничего.

Живут морским промыслом, держат скотину. Раз в месяц гонят скотину в Циралис на рынок. Ежегодные праздники, когда собираются селяне со всей округи. Там же заключаются брачные контракты, торгуют – без монет, обычной договоренностью. Вино, жаренное мясо, пляски у костра и в тенях. Вот и все развлечения.

Сколько раз Минурт слышал подобные истории. Каждый раз с трудом сохранял уважительное внимание. Людям требуется выговориться. Так они создают связи. А связи чужеземцу необходимы.

Он не собирался задерживаться у крестьян. Его интересовало то, что происходит в окрестностях Циралиса. Беда в том, что расспросы про катакомбы могут счесть опасными. Все купцы собирают информацию. Их торговля приносит благо и вред. На купцов смотрят с опаской, в моменты кризиса – как сейчас, – их скорее убьют.

– Что ты можешь сказать про Циралис? – спросил Минурт, отведя Крисса в сторону.

Тот уже разомлел от вина, мысль его текла вяло, зато кружка наполнена вином. И все же, опьянение не ослепило его. Минурт заметил, как староста отреагировал на его вопрос.

– Ты ведь купец, разве не бывал там? – язык заплетается, но видно, староста пытается сбросить пьяное наваждение.

– Бывал в Дирахии, груз зерна предназначался для Циралиса. Для флота.

– А, это правильно. Кораблям надо много зерна. То есть, команде. Ты понял.

– Не прогонят чужака? Такого как я.

– Да нет. Может расспросят. Чего тебе скрывать. В порт пустят. Там корабль, глядишь, поймашь. На восток чего-то мало идут сейчас, давно не видел. На острова, думаю, уйдешь, а там уже будут твои соотечественники.

– Рухнувшие острова?

Крестьянин кивнул.

Минурт знал про эти острова. Знал истории, накрывшие острова туманом. Пираты распространяли свои выдумки, чтобы отвести чужаков, но не секрет, что земля в окрестностях Тринакрии нестабильна. Морские боги не оставляют острова в покое. В своих странствиях Минурт узнал, что на островах есть древние развалины. К сожалению, с них выгребли все подчистую. Потому для него они не представляли интереса.

Однако в последнее время гирцийцы стали проявлять к островам особый интерес.

Появление там военных кораблей можно объяснить стратегической необходимостью. Минурт чувствовал, что за этим скрывается нечто другое. Про острова он рассчитывал узнать в Циралисе. Быть может, культисты что-нибудь знают.

Минурт перевел взгляд на Крисса. Подумал. Расспрашивать про катакомбы его нельзя. Пусть крестьянин выглядит пьяным, но в душе у него ворочается змей недоверия. Начнешь раскапывать правду, получишь проблему.

– Пойдем в дом, хочу тебя отблагодарить за спасение.

– Что ты?! – Крисс всплеснул руками, расплескав вино. – Это наш долг помогать странникам. Отец богов велел защищать путников, мы разве не защищаем?!

– И все же, я должен отблагодарить тебя.

Глаза старосты заблестели. Он просчитал, что в котомке тамкарума наверняка будет монетка для него. Сам туда заглянуть староста не осмелился, но раз купец намеревается отблагодарить его...

– Пойдем! – дернулся Крисс.

Его пришлось поддерживать под руку, ведя в дом.

Лампадка, оставленная на столе, давно погасла. Через дверной проем в дом заглядывал свет костра. Минурт не стал закрывать дверь. Пляшущие на стенах тени не повредят его манипуляциям.

Крисс поехал, направился к столу, ударился коленом и громко заохал. Лампадку он нашел, но никак не мог ее наполнить маслом. С фитилем он бы точно не справился.

Наблюдая за старостой, Минурт улыбнулся.

– Оставь! – приказал он.

– Чего?

Минурт вынул из котомки монетку, начал крутить ее между пальцами. Темное серебро почти не отражало света, но само порхание завладело вниманием старосты.

Монетка была большой, крупнее тех, что обычно получал староста, продавая мясо на рынке. Размером с большой палец, а не чешуйка, которую легко спрятать за щеку и невзначай проглотить.

Такое пару раз случалось, что вызывало неприятные, но забавные последствия. Монетку ведь не хотелось терять.

А эта крупная монета с черепашьим панцирем на аверсе и символом трезубца на другой стороне порхала в длинных пальцах тамкарума. Минурт поднял руку, чтобы староста лучше видел подарок.

– Старая монета, – заговорил тамкарум, – древнего царства, что еще существовало до Синдов. В ней небольшая примесь золота. В прошлом монеты эти имели хождение по всей Сикании, их можно обнаружить в полисах Негостеприимного моря.

Голос купца был монотонным, ударения в слогах совпадали с ритмом порхающей монетки.

Потянувшийся за подарком крестьянин остановился, его взгляд был прикован к рукам гостя.

Тени плясали на стенах, прислушиваясь к рассказу чужака. А тот продолжал описывать, как нашел монету, ее историю. Сколько крови пролилось, чтобы у монеты появился владелец. По словам Минурта эта монета забрала десятки жизней. И за меньшее люди убивали.

Крестьянина стошнило. Он выbleвал все, что выпил и съел раньше. Его бросило в пот, завеса пьяного тумана отступила. Крисс чувствовал страх, как по спине течет холодный пот.

Пляшущие на стенах тени обступили его. Их тела порождены огнем, горящим на улице. Тепла они не давали, их наполняла тьма. Корнем теней стали ноги чужака, плетущего ткань заклатья.

Криссу хотелось закричать, позвать братьев на помощь. Колдуна нужно схватить, бросить в костер, в грудь заколотить кол, отделить голову от тела и похоронить в болоте!

Уста не размыкались. Они запечатаны колдовством.

– Я взял монету из кургана, вокруг нее лежали пятеро гробокопателей. Они передрались за монету. Стоило ударить киркой по склону, копать на два штыка, там лежал клад серебряной посуды. Эти люди убили друг друга за монету, стоя на драгоценностях. Я забрал монету, их кости.

Клад Минурт оставил. Драгоценности будут привлекать других искателей, потребуют платы кровью. В теле кургана остался лежать погребенный, чей дух искажен злобой. Его три века тревожат грабители.

Потомки Минурта – по духу, не по крови, – обнаружат чудовище, поселившееся в холме. Им-то достанется хороший слуга. Потому Минурт не забрал погребенного, оставил утварь в земле, в могиле.

Надо подумать о коллегах, что пройдут тем же путем.

– Ты хочешь спросить, зачем, я тебе это рассказал? – Минурт прекратил ворожбу, монета со стуком упала на столешницу.

Крисс вздрогнул. Наваждение все еще сковывало тело. Теперь он мог говорить.

– Нет!

– А рассказал я тебе это, чтобы ты мне рассказал о культе. Это был обмен. Я честный торговец. Заплатил историей за историей. Теперь ты расскажи мне о культе, что поселился в Циралисе. Ты знаешь о нем.

Минурт нашел в котомке изображение рыбки, принадлежавшую безымянному рабу. Рыбка была его амулетом, связующей нитью с новым богом. Рабу она не помогла, но досталась Минурту, став для него этой нитью.

Рыбка знакома старосте, он видел этот символ. Слышал о людях, что используют его.

Крисс пытался проглотить комок в горле. Слова рвались наружу. Их не остановить.

– Они устраивают оргии по ночам! Жрут младенцев. Чудовища!

– Откуда ты это знаешь? – заинтересовался Минурт.

– Все знают! Только чудовища по ночам будут собираться. Они женщин с собой водят. Женщин! Уже десять лет там собираются. Власти не обращают внимания на них. Контрабандисты гоняют их, но тем плевать. Боль им приносит наслаждение. Бей их, а они просят еще. Некоторые ходят по городу, говорят о какой-то чуши. Бьют. А они улыбаются! Гонят! А они возвращаются. Люди пропадают. Находят освежеванных животных. Их ритуалы. Мажутся кровью, пьют ее и делают это друг с дружкой.

– Ты сам видел это? – спросил Минурт.

– Нет. Все знают. Городской власти не до того. У моего соседа теленок родился двухголовый. Их чудовище. Их ублюдок. Мы выбросили его со скалы, молили Лесного хозяина помочь. А череп этой твари потом нашли в некрополе у Циралиса.

– Где они собираются?

Крисс рассказал то небольшое, что знал. Культ возрожденного бога прятался в катакомбах. Тоннели пронизывали горы близ Циралиса. Крестьянин не мог знать, где находятся эти люди.

Сказать о том могли контрабандисты. Несколько имен Крисс помнил, но Минурт понял, что это только сплетни. Названные контрабандисты могут быть просто торговцами из Циралиса.

Придется поработать в самом полисе. Искать культистов в тоннелях долго. Крестьянин дал след – начать поиски с некрополя, где по ночам собираются поклонники нового бога.

Вряд ли выбор времени суток объясняется чудовищностью ритуалов. Минурт в это не верил. Проверить все же стоит. Потому-то он отправился по следам культа. Ниточка тянулась из южных полисов, разоренных тиринцами. Прошло уже три десятилетия, о культе в тех городах забыли.

– Оставь монету себе, – сказал Минурт. – Это моя благодарность.

– Забери! Она мне не нужна.

– Оставь, – мягко приказал Минурт. – Мы хорошо поговорили. Ты узнал много о жизни тиринского тамкарума. Купец, спасенный тобой, запомнится тебе славным человеком. Пусть со временем черты его лица сотрутся из памяти. Ты меня понял?

Крисс кивнул.

– Тогда возьми монету и вернемся вместе к свету костра.

Минурт поднялся, вышел из дома. Мгновение спустя появился староста. Извинился за то, что сблевал. Решил, что выпил лишнего. С кем не бывает. Надо будет сказать хозяйке, извиниться за бардак.

Монетку он припрятал в складках туники. Она послужит приманкой для духов, что слетятся в поселение. Война придет и сюда, она уже собирала дань с этих людей. Минурт узнал, что юноши ушли из селения. Их завербовали во флот. Случится еще много плохого. Но эта ночь запомнится крестьянам, как яркий праздник. Последний перед чередой унылых дней.

Глава 2

Минурт задержался в деревне на два дня. Здесь он искал покой, одежду и припасы. Гость хотел выглядеть как гирциец, что сложно, учитывая внешность. Местная одежда позволяла хотя бы не выделяться.

Узнать что-либо еще у крестьян не получится. Они страх перед неизвестным ослепил их.

Насколько известно Минурту на юге Гирции люди, ведущие родословную из Тирина, не редкость. Многие порвали с корнями. Скрыть происхождение поможет хорошее знание языка. Просто торговец из Дирахия, потерпевший кораблекрушение. Направился в Циралис, потому что это ближайший полис. До Вер далеко, шпиону тут делать нечего.

Так было раньше, что происходит сейчас в Гирции, чужак не имел представления.

Торговля не задушена до конца, но все сложнее узнавать достоверные сведения. Иноземцы предпочитают промолчать, чтобы их не сочли за шпионов. Последствия подобного решения пагубно сказываются на работе.

Простая туника, теплый плащ и сандалии – платить за это не пришлось. Крестьяне были столь добры, что одели и обули гостя. Крисс не вспоминал про подаренную монету. Он сохранит ее, наверняка прикопает под порогом своего дома. Грядет война и монеты, которые крестьяне редко видят, будут иметь особый вес.

Пусть так. Судьба приманки уже не интересовала Минурта.

Другой человек его профессии придет сюда, чтобы сжать урожай духов. Рассыпая зерна вдоль обочины, Минурт думал не о себе. Он создавал мир для тех, кто придет по его следам.

Только избранные оценят взошедшие цветы.

Путь до Циралиса был неблизким. Для пешего расстояния огромны. Там, где корабль может за сутки посетить десяток поселений, пешему придется идти месяц.

До полиса, конечно, ближе. По словам крестьян до города три дня идти. И это при условии, что дорога не подведет. Судьба путника лежит не в его руках, но об этом Минурт не задумывался.

Дорожная пыль поможет изменить внешность. Серость, поднятая ветром, осядет на смуглой коже. Корочка грязи, смешанной с потом, сделают из него самого обычного крестьянина. Пожелтевшая котомка вряд ли привлечет разбойников. Большую угрозу представляли волки.

На юг Гирции выходили отроги Марсийских гор, где уцелели старые деревья. Хищные животные ежегодно собирают дань. Пастухи за сезон теряют две-три овцы. Бывало, что звери нападали на самих пастухов.

И об этом Минурт не задумывался. Если его сухие кости привлекут внимание волков, так тому и быть. Остаться в этой земле, стать ее частью – не худшая судьба. Чужак станет частью в гирцийской земли.

Не то, чтобы таковы стремления чужака, но вероятность подобного исхода существует.

Первая ночь прошла спокойно.

Не забываясь о собственной безопасности, Минурт сошел с дороги, развел костер под деревом. Сухие иглы чуть было не полыхнули, чтобы в мгновение превратить весь лес в пылающий факел.

Чужак не привык к Гирции. Не привык к ее ветрам, разносящим искры, к сухой почве и траве, перешептывающейся на склонах.

Пожар не успел начаться. Минурт затоптал пламя, заставляя его затаиться в тлеющих угольках. Ветер пытался оживить останки пожара, но человек мешал.

Справившись с огнем, Минурт расчистил место и на голой земле запалил костер.

Кто скрывается, явно что-то скрывает. А гостю скрывать нечего. Его костер прекрасно видно с дороги.

Никто за ночь не побеспокоил его, не приблизился к угасающему пламени.

Ночи в Гирции холодные. Не так, как в пустынях Вии, но все же к утру путник продрог. Теперь подарок крестьян стал понятен чужаку. Лишь завернувшись в плащ и поджав ноги, он мог задремать.

Тяготы дороги никогда не пугали Минурта. Однако он понимал, что не выспавшийся и уставший не сможет выполнить свою миссию.

Он отправился в эти земли в поисках культа возрожденного бога. Убитый и возродившийся демон – не первый раз возникает подобный культ. Минурт мог назвать с десятков подобных. Этот культ отличался скрытностью, оригинальным мировоззрением. По слухам, поклонники нового учения принимали в свои ряды всякого, готового отринуть прошлые воззрения.

Всякого!

И раб, и свободный, и мужчина, и женщина. Независимо от их происхождения. Это необычно, хотя случается. Чем-то напоминает культы смерти в их самом худшем исполнении. Подобные учения обычно кричат о скором конце времен.

Культы возникают, а времена не кончаются.

Истину эти люди не способны познать. Гибель сущего для них всего лишь способ объяснить собственные неудачи, подарить надежду на богатства и наслаждения по ту сторону жизни. Оставив красивую риторику, обычно подобные учения сводятся к таким простым истинам.

И все же, в этом культе имелось зерно истины. Иначе Минурт не отправился бы так далеко.

Размышления не мешали идти дальше. В дороге мысли текут свободнее. Не ощущается потребность в спутнике, скрашивающем путешествие. В отличие от других людей, Минурт довольствовался компанией самого себя.

К тому же на спине у него была котомка, полная всяких предметов. Различная наживка, маяки для духов. Одиноким этот путник не оставался никогда.

Очередная ночь, но местность изменилась. Пропали сухие сосны, усыпанная иголками и ветками земля. Как хорошо было в тех местах, трава почти не растет на сухой почве. Насекомым приходится лететь мили и мили, чтобы напиться крови.

Вторую ночь Минурт проводил поблизости от болот. Ветер едва ли справлялся с наглыми насекомыми, тянущими из болот зародыши болезни. Здесь никто не селился по другой причине. Люди боялись ядовитого воздуха болот.

Топь располагалась в миле от дороги. Для насекомых это не расстояние. Минурт позаиводвал комарам, способным ради капли крови перемещаться на огромные расстояния.

Собственно сам чужак сейчас походил на этих насекомых. Но миля пути для него далась тяжелее.

С комарами помогал справиться огонь, дым. Чтобы поддерживать пламя, приходилось бодрствовать всю ночь.

С севера доносились стоны неведомых существ, избравших своим домом безлюдную топь. Порой среди деревьев мелькали огоньки. То ли чьи-то глаза, то ли светлячки. Для насекомых эти огоньки двигаются слишком упорядоченно. В них чувствуется мысль, идея. Возможно, они стремятся навредить путнику.

В котомке чужака не имелось ничего, взятого с болот. В тех землях, где бывал Минурт, сложно найти топь. Это на севере, в краю огромных деревьев и снежных зим – вот там варвары живут на болотах.

Дикари связывают пленника, бросают в болото. А на следующий год извлекают тело, почти не тронутое тленом. На воздухе оно начинает разлагаться, но до того жрецы успевают пополнить запасы колдовских средств, исполнить тайные ритуалы.

Проникнуть в их среду не смог ни один коллега Минурта.

От северных земель они предпочитают держаться подальше.

Не из страха, а из-за неудобств.

Очередная бессонная ночь начала влиять на настроение Минурта. Ритуалы не помогли восстановить душевный баланс. Взошедшее солнце вызывало раздражение, от писка насекомых чесались все укусы. Воспоминания о холодных катакомбах Храма, где Минурт провел детство, оказались бесполезны.

Когда в мукомольне над Храмом люди плавают от жары, мистики наслаждаются покоем в темных кельях. Свет им не нужен. Годы практик научили чувствовать тьму, замечать ее оттенки.

Так пустынный воин по цвету песка может определить путь.

Сейчас Минурт хотел вернуться в прохладу подземной тьмы. Окружать его будут не проклятые комары, а знакомые жуки, не опасные для служителей.

Мечты развращают, отвлекают человека от цели. Минурт это понимал, в начале пути предполагал, что готов к трудам. Но дорога выматывала быстрее, чем рассчитывал мистик. Взятая у крестьян в дорогу снедь, закончилась. Вскоре к недосыпу добавится голод. Человеческая природа берет свое, в душе разгорается огонь, характерный для тиринца.

Разбавленная с укусом вода кончилась. Приходилось пить из встречных источников. Вода, с виду чистая, оказалась не такой уж хорошей.

Минурт получил еще расстройство. Путь до Циралиса сбил с него спесь, холодную отстраненность.

К воротам полиса он подошел уже взбешенным человеком, проклинающим все, что видел.

Ворота не держали закрытыми. Чужак мог бы не заметить перемен, что внесла война в жизнь полиса. В Циралис втягивался поток крестьян, везущих продукцию на рынок. Война только полыхнула. Слишком далеко, чтобы ее ощутить здесь. Обыватель видел в ней возможность обогатиться. Возрос спрос на продовольствие, хворост, тростник – все, рождаемое землей. Люди несли ресурсы в Циралис, а возвращались домой или с монетами, или с ремесленными изделиями.

Пройдет немного времени, они поймут, что еще не заплатили истинную цену.

– Расступитесь! – приказал Минурт, расталкивая крестьян.

Завязалась перепалка. Никто не способен переспорить тиринского торговца, искусного в ораторском искусстве.

Против любого воина слова всегда с успехом выступает грубая сила. Кулаки заставили замолчать Минурта. Чужака выбросили с дороги прямо в пыль. Сливная канавка была замусорена, многие путники прямо в нее справляли нужду.

Наблюдавшие за перепалкой стражи, не вмешивались, пока чужак не выбрался из канавы. Не сдерживая ухмылок стражи направились к Минурту.

В связи с войной посты на воротах были усилены. Стражи еще не потеряли человеческий облик, не обворовывали крестьян. Пришедший по суше чужак скорее вызывал у них удивление, чем подозрительность.

– Иди-ка сюда, кучерявый! – приказал страж.

Минурт сдержал желание отряхнуть грязь. Стоящие перед ним люди хотят видеть его униженным. Враг, как они его представляют, только так должен выглядеть.

– Кто такой?

– Минурт, сын Сэина. Торговец из Тирина.

– Торговец? Так море с той стороны, – страж указал себе за спину.

– Мой корабль попал в бурю, вынесло на скалы. Я потерял все. Добрые гирцийцы дали мне эту одежду и накормили. У меня не осталось ничего.

– Ах не осталось. А в котомке чего?

– Еда, что дали мне крестьяне. Сыр, хлеб, немного вина.

Минурт тряхнул грязной котомкой, в сторону полетели комочки глины. Внутри глухо звякнуло. Кроме металлов он носил с собой лампаду, используемую в ритуалах. Если она не разбилась, то очень хорошо.

– Покажи! – приказал страж.

Он заглянул в горловину мешка, увидел только черноту и побрезговал совать туда руку. Поморщившись, страж отстранился и спросил:

– Так зачем ты тут нужен? Нам нищие тут ни к чему!

Стражи засмеялись, но не отпускали Минурта. Явно рассчитывали на еще одну порцию издевок.

– Я шел в Циралис с грузом зерна...

– Так не довез. Пока не соберешь еще зерна, нечего тут тебе бродить.

– Корабль застрахован, – не слушал Минурт, – необходимо сообщить в коллегия о гибели корабля. Иначе они не вернут заем. Груз и транспорт застрахованы в храме.

О подобной практике стражи кое-что слышали, но не могли знать точно как обстоят дела. Проще прогнать этого чужака, но речь шла о деньгах коллегии. В Циралисе только одна коллегия, что ведет дела с востоком. В последнее время они обрели большой вес.

Подумав, стражник махнул рукой товарищу:

– Секст, веди этого человека в коллегия. Пусть там сами разбираются.

Вот так просто Минурт прошел в город, ведущий войну с его собственным народом. Дома гирцийцы ощущали себя в безопасности. Пусть под угрозой их берега, у каждого города мог высадиться пиратский отряд, страха перед чужаками они не испытывали.

Это глупость или смелость, Минурт понять не мог. Он просто воспринимал поступок стража, как данность.

Ему даже повезло пройти вне очереди, через боковую калитку. В основном проходе стены украшены цветными рельефами. Об их существовании гость не слышал, а теперь не смог увидеть. Да и что ему сказали бы барельефы, повествующие о чужой истории.

Для местных в рельефах зашифрованы имена, события. Чужак увидит только неплохие, хотя непривычные изображения.

За воротами горожане расчистили место, установили частокол. Сооружение выглядело временным и не особенно надежным. Построенным для отчетности, чтобы успокоить население.

Отцы города понимали, что опасность стоит ожидать с моря. К тому же ближайшие холмы изрезаны тоннелями, которыми могут воспользоваться захватчики.

Страж не отставал, буквально дышал в затылок чужаку. Ростом гирцийцы в среднем выше тиринцев, что наверняка нашло отражение в пропаганде, насмешках.

От конвоира лучше избавиться, но сделать это осторожно. Не убивать его. Минурт, не смотря на свой малый рост и зачуханный вид, мог убить вооруженного, облаченного в броню стража. Для мистиков культа это не составит труда.

Вот только убийство не всегда полезное действие. Иначе мистики расправились бы с соседями.

На первый взгляд Циралис не впечатлил Минурта. Серые стены домов, красная черепица крыш. Почти нет растительности, узкие переулки затянуты паутиной веревок с мокрым бельем. Пахло дымом и морем. Запах этот всегда присутствует в портовых городах, его вскоре перестаешь замечать.

Где-то поблизости шумела вода.

Минурт определил это по звуку и запаху свежести. В случае осады Циралис продержится несколько лет. Впрочем Минурта эти вопросы не заботили. Он явился сюда не как шпион. Он никого не обманывал. Он на самом деле торговец, просто товар у него необычный.

Из памяти уже выпало имя тамкарума, взявшего его на борт. Так что не получится выдать себя за него. Имя досталось морю, как тело и дух купца. Оно не принадлежит Минурту и служителям Храма.

На западе дымил один из островов, расположенный ближе всего к Гирции. Саму горячую гору Минурт не мог увидеть, мешали трехэтажные строения Циралиса. Дым из подземных источников добавлял непривычную струю в смесь запахов. Именно она придавала Циралису особый аромат, подчеркивала его дух.

Скорее по наитию, чем с умыслом Минурт спросил у стража:

– Коллегия заинтересовалась островами, что они там нашли?

Страж остановился. Минурт оглянулся и заметил испуг на лице паренька. Забавно, как один вопрос может переменить настроение человека. Порой слово острее клинка.

– Я только знаю о том, что их корабли наведываются часто туда, – уточнил Минурт. – Не похоже, что у них там стоянка.

– Там Он, – проговорил парень.

Как удачно. Осталось немного надавить, парень сам выложит все. Страх пытался вырваться у него из груди. Либо это будет криком ужаса, либо он захочет выговориться.

– Он? Кто это такой?

– Коллегия там, пройдешь вниз по улице, спустишься в порт и повернешь направо. Не пропустишь. Мне пора на пост.

Он развернулся и ушел. Наверняка доложит старшему, что довел чужака до места назначения.

Минурт проводил его удивленным взглядом. Неужели есть то, что он не знает про местных. Последнее время циралисцы особенно активны. Собственно, из-за них началась эта бестолковая война. Минурт полагал, что это связано с тем, что гирцийцы залезли на территорию Хомбата – города, основанного Тирином. Бывшая его колония, превзошедшая метрополию.

Причины, видать, не столь очевидны. В этом следовало разобраться.

Коллегию чужак посещать не собирался, но раз она действительно как-то замешена в происходящем, стоит осмотреться.

Минурт покачал головой, а ведь он отправился сюда на поиски культистов. Забавно, что судьба привела его именно в город. Если бы не усталость, которую он проклинал всю дорогу, пошел бы в некрополь, искать сектантов.

Забыл, что все в мире происходит не просто так.

Коллегию отыскать легко, не требовались разъяснения стража. Все дороги Циралиса ведут в порт. А уж в порту мистик сориентировался. Налево располагалась закрытая территория, обнесенная свежим частоколом. Учítывая, что там у причалов длинные корабли, это был военный контингент. Туда чужак не мог попасть ни при каких обстоятельствах.

У причалов располагалось десять кораблей. Мачты и весла убраны, рулевые задраны кверху. Знамена трепал ветер. Какой-то кусок верского флота, понял Минурт, пытаясь понять символы. Тараны и козерог, что-то похожее. Минурт старался не приглядываться к военным кораблям.

Сама гавань была устроена с умом. Башни защищали выход, но проем оставался достаточно широким, чтобы могли входить тяжелые корабли. На западе за причалами находилось поселение рыбаков, чьи хижины прижимались к гремящей реке. Быстрое течение реки вымывало ил из гавани, создавая встречное течение всем входящим кораблям.

Минурт не был мореходом, но прожив долгое время в Тирине, нахватался знаний. Эти знания не столь ценны, но от них не избавиться.

Коллегия разместилась в западной части гавани. Рядом таможня, в которую цепочкой тянулись купцы. В самой гавани собралось немного кораблей, задерживать купцов не требовалось. Просто война всегда подкармливает тыловых чиновников.

На боковой улочке намного спокойней. Минурт устал от любопытных, гневных взглядов, которыми прожигали его местные. К тому же поблизости от таможни можно привлечь внимание магистрата.

Внешность гостя слишком выделяется. Пусть грязь и местная туника сгладили внешность, вблизи всякий видел – это чужак.

К тому же главный фасад наверняка предназначался для почетных гостей. Остальным предназначалась маленькая калитка с тыла здания. Что вполне устраивало гостя.

С боковых улочек все здания выглядели однообразно. Лишь таберны отличались – опять же запахами. Из помещения тянуло дымом, запахом варенной капусты и кислого вина.

Бедноты на улицах не было, то ли их изгнали из города, то ли согнали в одно место. Практичные гирцийцы вполне могли отправить всех этих людей на рудники. Война дала моральный повод так поступить.

Широкие ворота отличали складские помещения. Они могли как принадлежать коллегии, так относиться к другим союзам Циралиса. Среди однотипных строений найти нужное не так просто.

Минурт понял, что заблудился. А найти общий язык с местными он не мог. Те безошибочно понимали, что перед ними чужак. Скорее по злему умыслу направляли его неправильной дорогой. Не помогало даже знание языка, слишком чистая речь подходит сообществу ученых, а не докеров.

Лучшим ориентиром могла служить река, но она куда-то скрылась, скованная со всех сторон камнем и кирпичом. Гром текущей воды мог принадлежать морю, грызущим берег и причалы. Звук мог рождаться в мастерских, куда даже в дневное время свозили дрова. Гудел огонь, пахло каленым металлом.

В запахи вклинился рыбный дух. В отдалении слышались крики торговцев, разрубающих рыбу. Мимо прогрохотала телега, заполненная корзинами с рыбьими обрезками. Утренний улов уже распродали, город поглотил привезенную на лодках рыбу. Пройдет час, весь улов растворится по улицам.

Все это указывало на рынок. Вскоре Минурт вышел на небольшую площадь, с открытыми лоточками. Работало несколько человек, но большинство уже сворачивало торговлю. В дневную жару здесь не торговали. Хотя товары у них не скоропортящиеся.

Шум рыбного рынка шел с другой стороны реки. Минурт задержался, обратив внимание на запахи и голоса мясников.

Рынок упирался в тяжеловесную стену в серой обмазке. Подойдя ближе, Минурт прочел в растворе огромное количество ракушек. Спиной о стену лучше не опираться, изрежешься.

Не было граффито на стенах, люди не мочились здесь. Беднота, отдыхающая возле ворот, растянулась цепочкой вдоль дорожки. Они не пряталась у стены от солнца. Этим еще не изгнали из города. Храмовые прикормыши.

Минурт улыбнулся. Что ж, судьба привела его в храм гирцийцев. Почему бы не заглянуть туда. Лучше жрецов о культе и островах не расскажет никто.

Пройдя до входа, Минурт удивился, наткнувшись на ограду. На теменос не удалось зайти. Посетителей не пускали.

– Здесь всегда так? – спросил Минурт у попрошайки.

– Как так?

– Не пускают гостей.

– Уж месяц как. Только для своих. Священное время.

– Праздник?

– Да какой у них праздник. Эти вечно хмурые, как утопленники.

– Так в чем дело, скажи. Мяса жертвенного ты не дождешься, но мне ведь не обязательно его покупать.

Намек попрошайка понял. Повернул иссохшее, выгоревшее лицо к чужаку.

– Я не дурак, о таком говорить, – он поднялся и побрел прочь. – Мне еще на лодке выходить вечером. Я не дурак.

За калиткой располагался приземистый храм. Серые стены выглядели влажными, смоченными морской водой. Соляные наросты на столбах колоннады не могли образоваться на суше. Не видно блеска бронзы – наверняка зеленеет окислами; отсутствуют яркие венки и цветы; не было молящихся просителей. Одиноким алтарь у входа багровел от крови. Старой крови.

Кто бы тут не обитал, посторонние давно не жертвовали ему свежего мяса.

Лишь один из попрошаек сказал, что этот храм принадлежит Хозяину пустоты. Покровителю коллегии.

Опять судьба привела в нужное место. Минурт понял это, знал, на что указывают духи.

Этот культ особенный, раз попрошайки не прельстились блеском монет. Культ связан с торговцами.

Интересней, чем какие-то дурачки, собирающиеся по ночам в некрополе.

Впрочем, тех тоже следует проверить.

Но Минурт нутром чуял, что осколок истины скрыт именно здесь.

Перемахнуть через ограду не составило бы труда. Только местные не оценят любопытство чужака. Минурт чуял, что в храме сейчас люди. Пусть строение выглядит безжизненным, от него веет морским холодом, служители находились внутри. Огоньки их жизни отчетливо видны на фоне серых стен.

Здесь стоит осмотреться, решил Минурт. Не сейчас. Ночью.

В то особенное время, когда профаны не посмеют приблизиться к странному храму.

Храм посещали торговцы, так что Минурт нашел коллегию. Она оказалась на соседней улице. Черный вход, где разгружали товар. На боковой улочке таверна для своих. Там можно остаться на ночь. Только это не входило в планы гостя. Пройдя по улочке, Минурт зашел во внутренний двор.

Старый неработающий фонтан, в земле тележные колеи. Мостовую давно не ремонтировали, в коллегию постоянно подвозили грузы. Это не основной склад, здесь хранили самое ценное: пряности, металлы, договоры.

Среди серых стен безошибочно угадывалась тайная дверка. Для иных эта калитка могла бы остаться неприметной, но Минурт не первый раз встречается с тем, что пытаются скрыть.

Ведь его работа заключается в поисках скрытого.

К тому же, торговцы не особенно умело скрывали калитку.

Минурт поднялся по ступенькам, постучал в дверь. Он не знал, как представится, что скажет привратнику. Надежда на наитие, что привело его сюда.

Дверца открылась на дюйм. Наверняка привратник видел чужака, но счел его достаточно интересным, чтобы лично пообщаться. В темноте мелькал огонек лампадки – опасность для склада. Ростом человек не вышел, а лицо его едва угадывалось в тени.

– Открой, – сказал Минурт. – Я поговорить.

– Кто такой?

– Тамкарум.

Слово, словно пароль, подействовало. Уж кто такие тамкарумы здесь знают. Появление одного из них, пусть неожиданного, дело привычное.

Привратник открыл дверь, хлынувший в проем ветерок задул пламя лампадки. Минурт удивился, увидев знакомые черты лица в привратнике. Коллегиаты Циралиса не гнушались покупать рабов из восточных земель. Этот человек мог быть тирицем, братом Минурта.

Впрочем, это ничего не меняло.

– Как представить? – привратник склонился в поклоне, отступил, давая дорогу.

– Минурт, сын Сэина. Тамкарум из Тирина.

Больше привратник ничего не спрашивал. Он понимал, что торговцы не обязательно приезжают на подводах с грузом.

А для Минурта переступить порог этого заведения стало лучшим решением. Во-первых, коллегия защитит его от произвола стражи. Во-вторых, они действительно могут продать ему информацию.

То, что интересовало Минурта, имеет цену.

Привратник запер дверь, помещение погрузилось в темноту. Пока он возился с лампадой, пытаясь зажечь фитиль, Минурт успел осмотреться.

Узкий коридор, удобный для защиты. Пыль, запах пряностей, прохлада. Портовые запахи отступили, шум жизни приглушила пыль и темнота. Не первый раз он ловил себя на мысли, что читает города в основном по запахам и звукам.

Иначе не получается. В темноте на глаза нет надежды. Люди склоны обманывать друг друга.

– Оставь, веди меня.

Привратник обратил взгляд на гостя. Щурясь, пытался увидеть его лицо. Вздогнул и закивал. Натыкаясь на выступающие балки, привратник пошел по коридору. Чтобы не заплутать, он прикасался к стене.

Минурту хватало света. Шел он мягко, только доски скрипели под ногами.

Устройство помещений указывало на то, что коллегиаты опасаются нападений. Необычно. Минурт полагал, что гирцийцы ревностно следуют законам. Получается, они опасаются нападений от своих. Странно. Впрочем, Циралис город южный, среди его жителей много выходцев с востока.

Не то, чтобы Минурт считал, что среди соотечественников больше преступников. Просто он знает, как ведут дела торговцы Тирина.

Люди все похожи, в очередной раз он нашел подтверждение этой мысли.

Впереди забрезжил свет. Это оказалась небольшая дверца, сквозь которую пробивалось сияние солнца.словно клинки света, прорезающие тьму. В лучах танцевали пылинки. Ни ветер, ни уборка не изгонят пыль.

– Вам бы аккуратнее с огнем, – посоветовал Минурт.

– Что?

– Ничего.

Советы не нужны людям. Порой так сложно отказаться от желания открыть рот, высказать мысль. Не нужны здравые мысли рабу и его хозяевам. Они все равно будут поступать так, как привыкли. Это не решение разума, а его отсутствие.

Привратник открыл дверь, коридор затопило солнце. Людей затопил жаркий воздух, хлынувший в помещение.

– Это тебе, в благодарность, – Минурт вынул из котомки мелкую монетку.

Привратник рассыпался в благодарностях, кланялся до тех пор, пока не закрыл за гостем дверь. Деланная почтительность испарилась, как только раб избавился от посетителя. Теперь все его внимание завлекла монетка.

Наверняка он попробовал ее на зуб. Чешуйка серебра поддалась кривым зубам раба, не догадывающегося о ее темном происхождении.

Коридор соединялся с внутренним двором. Внутри больше зелени. По желобку текла вода, чьим источником наверняка была река. От ручейка тянуло прохладой. Минурт не удержался, присел над канавкой и коснулся пальцами воды.

Обжигаете холодная, такая приятная.

Минурт коснулся мокрыми пальцами лба.

Он услышал тяжелые шаги. Казалось, что идет закованный в броню человек. Минурт выпрямился, оглянулся. К нему приближался низкорослый, темнокожий человек. Совсем не это ожидал увидеть гость.

– Здесь все сородичи? – спросил Минурт, переходя на родной язык.

– Я плохо знаю твой язык, – ответил коллегият на гирцийском.

Наверняка врет, но Минурт не стал допытываться.

– Минурт, сын Сэина, – представился он. – Тамкарум.

– Мелак, коллегия Циралиса. Пройдем в тень?

Дела принято вести в комфортных условиях. Гостю, каким бы он ни был, предлагают уютное помещение и прохладные напитки. Опять восточный подход. Сколько бы в коллегии ни было тирицев, они подучили западных варваров.

Под навесом стояли плетенные кресла. Висящие ткани создавали иллюзию приватности, защищали от голодных насекомых. Пусть в Циралисе не так страдали от малярии, но кровососущие долетали и сюда.

На столике из дуба стоял горшок с водой, в которую был погружен кувшин. Никаких хитростей, выдумок данаев, никакой особой тары. Просто и эффективно.

Два кубка. Мелак разлил разбавленное вино.

Минурту стало интересно, как местные торговцы узнали о прибытии гостя. Успели ведь подготовиться. Наверняка занавеси только повесили, стулья вынесли.

– Располагайся, гость, – Мелак указал на кресло.

Плетенное кресло затрещало под весом севшего человека. От стула пахло мокрой соломой, прутья сохранили прохладу подвала.

– За встречу, знакомство! – совершив возлияние, Мелак пригубил вино.

– За знакомство.

Отдохнули, перевели дух. Несомненно, тут беседовать приятней, чем на улице. Хотя возле канавки прохладный воздух, зелень радовала взгляд. Обычному человеку вид цветущего сада приводит в восторг. Сад явно новодел, многие деревья посадили в этом сезоне. Перевозку они перенесли плохо. Минурт заметил следы увядания на листьях. Как ни поливай деревья, они не скоро воспрянут.

Для него сад всего лишь сад.

– Гость из Тирина, что привело тебя? – перешел к делу Мелак.

Все же он гирциец. Хотя внешность в нем выдает восточное происхождение.

Кровь не всегда передает дух. Вскормленные на чужбине, люди вырастают иными. Минурт понял, что с этим человеком дело необходимо вести иначе.

Тем проще.

– Мое дело особое. Товар интересен необычный.

– Говори.

– Вопрос может показаться странным. Опасным. Я хочу знать, что за черви завелись в теле вашего полиса. Те люди, что по ночам посещают катакомбы. О них еще сочиняют чудные небылицы.

– Чудные? Я бы сказал, пугающие.

– Верить в них?

Мелак покачал головой.

– Зачем тебе люди из некрополя?

Он не стал отрицать существования секты, но и не защищал их. Они никак не связаны с коллегией, с Циралисом. Проще говоря, они стали товаром, чью цену сейчас устанавливают два торговца.

– Я собиратель знаний. Устроит тебя такой ответ?

– И ради какого-то общества ты проделал длинный, опасный путь. Нелепость.

– Я бы на твоём месте выразил сомнение.

Мелах развел руками. Теперь от ответов гостя зависит его жизнь. Минурта это не особенно беспокоило. Если не удастся убедить коллегата в собственной неопасности, что ж... по следам Минурта придут другие люди. Не он, так другие получают сведения о секте.

Во тьме скрывается множество возможностей. Минурт попробует вытащить одну из нитей. И поглядит, куда она его приведет. Даже самому любопытно, чем может кончиться вежливая беседа.

В складках туники гирцийца угадывались ножны. Он умело скрывал оружие, но гость чувствовал сталь, испившую кровь. Слышал зов поверженных, чьи жизни забрал клинок.

Улыбчивый гирциец, не мог скрыть своего происхождения. Кровь не только придавала его внешности особенности, но и в характере таилась восточная мрачность.

Минурт улыбнулся. Давно он не мог побеседовать с равным человеком. Как всегда на лезвии ножа. В душе разыгрались эмоции, человеческая сущность пыталась вырваться наружу.

Глава 3

Гирцийское поведение Мелаха обезобразено тиринской кровью. Торговец дождался, пока гость отведаёт угощений. Пустой разговор не был прощупыванием, как могло показаться. Обычная беседа, чего оба лишены в это беспокойное время.

Очередной кубок вина, вопрос уже другой:

– Как нынче в Тирине?

– Я покинул его месяц назад, – признался Минурт. – Все спокойно.

– Разве не говорит народ о войне? Совет молчит, игнорирует происходящее на западе?

– Как же, есть. И разговоры, и совет проявляет интерес. Не так, как ты можешь подумать.

Потеря нескольких кораблей не повлияло на настроения.

Мелак кивнул. Его не удивило, что тиринцы не боятся войны. Они ее жаждали. Высокие стены защищают полис от осады. Деревянные стены – корабли Тирин – не подпустят к острову врагов. Тирин брали и не раз, но для осаждающих армий это всегда было испытанием. Порой проще пройти мимо торчащего среди моря острова, чем пытаться его захватить.

Немного знакомый с историей, Мелак понимал, что люди всегда жаждут того, что не способны переварить. Думают, что врагам на войне будет хуже. Не случалось тиринцам воевать с гирцийцами в открытую, не знакомы с упрямством варваров.

– Наша колония, – говорил Минурт, – решила вырваться вперед, разорвала связи с отчим домом Всевышнего. Что ж. Теперь они должны доказать, что достойны зваться Его сынами.

– Разумно. Вы не придёте к ним на помощь?

– Знай я о таком, думаешь, ответил бы на вопрос?

– Возможно. Либо правду, либо ложь. Сказать или не сказать – все варианты.

Вино развязывало язык, но не пьянило настолько, чтобы забыться. Тем веселее делать ставки. Минурт их постепенно повышал, отпивая вино.

Таящийся внутри вина огонь угасал, попадая в желудок тиринца. А собеседник пьянел быстрее.

– Я пришел в Циралис не в следствии войны, я уже упоминал о том, что меня заинтересовало.

Он сунул руку в котомку, словно собирался достать подарок Мелаху. Рука утонула в бесконечном мешке. Минурт долго перебирал предметы, пока не вынул на свет золотую монету с потертым изображением.

Даже несведущий человек понимал, что это древнее изделие. Оттиск имел неровные края, изображение на нем отличалось простотой, края сглажены. Номинал лишь угадывался. Всего лишь чешуйка золота, но она обязана стать зерном, взрастившим алчность.

Мелак не поддался.

– Ты высоко ценишь то, что хочешь узнать. Теперь я задаюсь вопросом, стоит ли сообщать тебе эти сведения. Может, приберечь их?

– Разве я много прошу. Этот культ, что собирается в ваших холмах. Я ведь могу его найти.

– Тайный культ, – напомнил Мелак. – По законам Города тайные собрания запрещены. В нашем Государстве не потерпят подобных культов. Они вынуждены скрываться, умело прячут следы. Постороннему не так просто их обнаружить.

– Все сокрытое во тьме блестит ярко, как эта монета. Ее сразу заметишь. Стоит ли тебе утруждаться, с надменностью смотря на меня, отказывать мне. Стоит?

– Я ведь не только словом могу запретить.

Раз угрозы пошли в дело, Мелак исчерпал резервы. Он торговец, а не переговорщик. Остался здесь не случайно – в очередной раз подумал гость. И вышел навстречу иноземцу из вражеского стана тоже не случайно.

Не лучший выбор тех, кто руководит коллегией.

– Можешь, – согласился Минурт, – результат только не известен.

– Как же?! По мне так все очевидно. Мы не привыкли позволять неизвестности управлять нами.

Минурт отметил, что этот человек заблуждается. Разве торговец, чья жизнь связана с морем, не может управлять судьбой. Ему требуется иллюзия порядка.

– Никогда нельзя быть уверенным. Я вижу верный результат в том, что ты согласишься. Дав мне отказ, что добьешься? Потетишь гордость, туманные перспективы реализуемой угрозы? Верно лишь согласие.

Мелак отпил вино, скривился. Мысль сложная, чтобы ее так просто принять.

– Для начала, расскажи о себе. Ты назвался тамкарумом, говоришь, твой корабль потерпел крушение. Что-то я не припомню, чтобы мы вели дела с тиринцами. Каков груз?

– Зерно.

– Зерно нам необходимо, не спорю. Ты на свой риск шел к врагам?

– Нет, не я. Мой навклер шел в Дирахий. Я лишь оплатил часть расходов, заодно намереваясь получить сведения о культуре.

– От Дирахия до нас неблизкий путь. Пешему в тягость.

– Попутных ветров ждать долго. Корабль задержится в порту. Будь на то воля Всевышнего, я бы успел вернуться.

– Пройти сотни миль по враждебной земле? – Мелак усмехнулся. – Простой люд не рад тиринцам.

– Что ж, корабль разбился. Крестьяне приняли меня со всем возможным гостеприимством. Названные тобой проблемы решились сами собой.

– Тебе повезло. Крестьяне хотели поживиться в обломках.

– Судно застраховано, пусть. Не велика цена за доброе дело.

Вопрос о том, как гость намеревается вернуться, не поднимался. Оба понимали, что проблемы решаются по мере накопления. Пока тамкарум не собирается покидать Циралис.

– К чему такой интерес? Всего лишь секта.

– Ты не задал вопрос, придержал его для следующего шага. В ответе моем ты найдешь все. Я торговец знаниями. Философ, как говорят северные соседи, весьма уважаемое направление в нашем обществе. Состоятельные люди хотят покупать тайные знания, истории о богах и героях, а некоторые желают идти дальше. Спускаясь по лестнице во тьму, в надежде достичь библиотеки. Той, где хранятся все знания Обитаемых земель.

Вряд ли Мелак слышал о подобном.

– Оттуда эти монеты? – Мелак взглядом указал на чешуйку.

– Знания приобретают разные формы. В монете заключена история древнего царства. Для тебя это только кусочек золота, мерило стоимости товара, услуги, жизни. А для иных – эта монета, что свиток из царской библиотеки Кемила.

– И ты так легко готов с ней расстаться?

– Я готов рискнуть. Быть может, знания о секте станут ценным товаром.

– Сколько же у тебя с собой золота?

– Достаточно. Но настоящая ценность у меня в памяти. Ни начертанные заметки, ни свитки, не сохраняют товар в целостности.

– Вот значит как. Ты готов рискнуть этим своим товаром. Отправился на запад, где тебя лишат речи. Мертвые, знаешь ли, не разговаривают.

Минурт улыбнулся. Мертвые любят говорить даже больше, чем тиринцы. Порой духов сложно заткнуть. Когда веками твои кости лежат в могиле, заскучаешь. Мир мертвых не самое веселое место во вселенной. Духи стремятся вырваться из бесконечности скуки.

Возможно, собеседник понял то, что не высказал гость.

– Ладно, могу рассказать тебе о секте. Не вижу в этом вреда.

– Кто они, как называют себя, где собираются...

Мелах, как оказалось, неплохо знал это сообщество. Как многие торговцы Циралиса он видел собирающихся в некрополе людей, которые уходили в катакомбы. Там скрыты их святилища, там они хоронили мертвых, поклонялись диковинным символам. Никто их не трогал, потому что нужды в этом не было.

Некоторое время контрабандисты на них поглядывали с опаской, прогоняли из тоннелей. Входы в святилища засыпали, но сектанты с настойчивостью муравьев прорубали новые ходы и возвращались в намоленные места.

– Как же они себя называют?

– Кто знает, это же мистериальный культ. Я слышал, что они выбрали себе имя докетов.

– Что же им кажется? Если я правильно понял значение слова из языка данаев.

– Правильно. А кажется им, как и многим иным чудакам, что этот мир ненастоящий. Я особо не интересовался вопросом. Проще говоря, они ждут конца времен. Этих времен, наступления новой эры. Когда кажущееся исчезнет, истина коснется всех... ты понял.

– Конечно же, конца ваших времен, – кивнул Минурт. – Посторонние мешают им, иллюзия, созданная создателем для испытаний праведников.

– Выглядит так, что ты о них знаешь больше моего.

– Делаю выводы. А ритуалы?

Конечно же, сказки про оргии и пожирание младенцев – глупые слухи. Все непонятное и таящееся в тени пугает обывателя. В слухах была правда, сектанты разбиты на несколько общин. Обитают не только в окрестностях Циралиса. Насколько знал Мелах, среди их лидеров встречаются женщины.

– Им не запрещено исполнять ритуалы? – удивился Минурт.

– Вроде того. Тонкостей не знаю. Хотя выглядит странно. Надзиратель в обществе и женщина. Необычно.

Минурт потер подбородок. Подобное он встречал редко. Впрочем, культы смерти обычно лояльней смотрят на половые различия. Но чтобы сектой руководила женщина. Интригующе.

– Кто же руководит вашим сообществом.

Мелах пожал плечами. Среди сектантов больше рабов и городской бедноты, ремесленники и рыночные торговцы. Крестьян нет среди них.

– Глупые верования черни меня не интересуют. Для нас есть только один покровитель. Интерес к чужакам...

Он замолчал и оглянулся.

Поблизости никто не таился. Минурт не ощущал, что за ними наблюдают. Из живых – точно. Про духов сказать сложнее. Как понял тиринец, именно потустороннего внимания боялся Мелах.

– Ты боишься, – не удержался гость от утверждения. – Чего?

– Я ответил на твои вопросы. Больше ничего не знаю.

– Уверен? А что же за бог, который возродился? Они ему поклоняются.

– Не знаю.

Он поднялся, собираясь уходить.

– Возьми монету, это оплата твоего товара. Как договаривались.

Мелах хмыкнул. Он не собирался убежать от гостя и не забыл про монету.

– Ты здесь чужак. Явился в наш город. Без покровителей ты кто?

– Мертвец. Как всякий из живущих.

– Точно... жди здесь.

Он ушел.

Наверняка решил обсудить с начальством странного гостя. Уж они решат, что делать. Но Мелак вернулся довольно быстро, в руке сжимал харту. Коллегия не пожалела лист и чернила для гостя.

– Не слишком ли почетно для меня? – удивление Минурта было искренним.

Он принял харту с легким испугом, пробежал текст взглядом.

Податель сего гость коллегии и все такое.

– На срок в десять дней. А затем проваливай из нашего города.

– Мне хватит этого времени.

Харту он убрал в складки туники. Прятать ее далеко не стоит, стража будет часто останавливать тиринца.

Не прощались, не подняли кубки и не совершили возлияния во имя своих богов. Мелак проводил взглядом гостя, а потом вызвал раба привратника. Пусть заберет монету и бросит в котелок, что стоял в каморке привратника. Туда бросали монеты на общие нужды. Обычно медяки, но порой встречалось серебро.

Котелок с драгоценным металлом ускорял дела коллегатов. Не приходилось собирать начальство, чтобы решить вопрос о взятке в три медяка. Пусть золотой болтается там же, решил Мелак. Пачкать руки он не желал.

До захода оставалось несколько часов. Откушав в доме торговцев, Минурт не расправился с потребностями тела. Нужду он мог справить везде, лишь бы не привлекать внимания местных. Горожане могут счесть это за оскорбление.

Снимать комнату тиринец не стал. Эта ночь не принадлежит богам сна.

Отправившись на рынок, Минурт купил теплый плащ в дополнение к другим вещам.

Уже с заходом он добрался до ворот, показал охранную грамоту и покинул Циралис. Стражи не стали предупреждать тиринца, что ворота на ночь закрываются. Стучи, не стучи в калитку, тебе не откроют.

Особенно такому гостю.

Дорога шла на север. Судя по мусору, полис по суше связан с сельской округой. Торговцы предпочитают морские пути.

Брусчатка была засыпана выпавшими из телег овощами, сеном. Навоз покрывал дорогу ровным слоем. Дожди не в силах смыть все это с дороги. Еще десятилетия после того, как Циралис погибнет, мусор будет оставаться на дороге.

Минурт находил это ироничным.

Человек старается обессмертить себя, строя монументы, возводя прекрасные строения. Даже обычная хижина должна выглядеть надежно и опрятно. Но только останки и грязь переживают человека.

Сколько бы культов не создавали люди, подспудно они понимали, что бессмертия не достичь.

Объяснить это не получится. Никто слушать не станет.

Вот очередной культ, отрицающий смерть, говоря об иллюзорности бытия. Минурт не рассчитывал, что найдет нечто новое, неожиданное. Хотя устройство секты довольно необычно. Если верить тому, что рассказали в Циралисе.

Другое дело жутковатый храм. О нем пока Минурт не думал. Не трогал эту тему, отложив в темный уголок сознания.

Мысль порой мелькала – люди почитают этого бога, служат ему. Боятся.

Это не культ отрицающий смерть.

Но об этом пока рано беспокоиться.

С востока к дороге примыкали многочисленные тропинки. С той стороны пришел Минурт после кораблекрушения. Поля, деревни, рыбацкие поселки.

На запад вела только одно ответвление. Уже по запаху Минурт понял, что это нужный путь.

Нет, тленом тут не пахнет. Лишь в черные дни с некрополя тянет сладковатым запахом. В остальное время запахи иные. Пахнет благовониями, кислым вином, пресным хлебом – что особенно любят местные покойники. В дни похорон с некрополя доносятся запахи жарящегося мяса и дым костра.

Уже недалеко от главного тракта встречаются монументы. Мертвые живут рядом с оставшимися на земле родственниками. Это не основной некрополь, а склепы самых богатых, уважаемых людей.

Пройдя по тропе, Минурт увидел склепы попроще. Выполнены они в местной традиции. Восточные веяния не коснулись монументов. Новая постройка находилась ближе всего, олицетворяла всю местную культуру.

Стела на старом постаменте, явно кенотаф. Она венчает собой вершину полукруга, образованного лавкой. Местечко удобное не только для родственников почившего, но и для проходящих мимо. Какой путник откажется передохнуть в тени. Минурт не остановился, хотя оценил практичный ум человека, заказавшего монумент.

Дальше шли дешевые могилы, начался основной район города мертвых. Здесь уже селились умершие ремесленники и земледельцы попроще. Места для бедноты на краю района, подальше от оживленных улиц. Вместо каменных монументов деревянные доски с резьбой, изображавшей умершего. Или просто с обращением к прохожему. Голос немых мертвецов.

Минурт не вчитывался в слова, что живущие вложили в уста покойных. Похороненные здесь вообще могли быть неграмотными. Человек хочет оставить после себя память, но не имеет для этого ни умения, ни средств. Он растворяется в культуре, созданной соседями. Потому общество само становится памятью об умершем, ведь человек был частью гражданского коллектива.

Утрата индивидуальности не пугает, ведь все умершие ее утрачивают.

Оказавшись на некрополе Минурт ощущал себя более живым, чем среди людей. Возможно, даже в его черствой душе появлялась радость от того, что он еще может ходить.

Не все покойные лежат спокойно под землей. Заметив вдалеке огоньки, Минурт подумал, что набрел на одного из таких. На такую удачу он не рассчитывал. Циралис славится как спокойное место. Поблизости нет выхода из подземного мира. Полис не осаждают легенды о ходячих мертвецах, гневных духах. Ничего кроме созданных воображением.

Здесь же собирались сектанты. Минурт на мгновение, отдавшись радостной печали, позабыл о цели визита в полис мертвых.

Уже стемнело, нервный огонек лампадки заметен с другого конца кладбища.

Неслышно подойдя к краю поселения, Минурт наблюдал за пятеркой людей, собравшихся у холма. Рядом находился чей-то склеп – древнее сооружение. Заброшенное. Минурт почувствовал гнев духов, обитающих в каменном доме. Потомки забросили поклонение предкам, забыли о них. Нет больше этих потомков. На склепе красовался старый рельеф горного льва. Форма изображения выдавала его восточное происхождение.

Собравшиеся сектанты не случайно выбрали этот символ. Слабые люди пытались найти смелость в каменном льве, сделать его своим тотемом, покровителем.

Здесь собрались обычные люди, в простой одежде. На первый взгляд не видно особых отметок, амулетов, иных атрибутов культа. Даже возглавлявший отряд человек, не имел видимых символов власти. Ни посоха, ни окладистой бороды – атрибута восточных мудрецов.

Минурт повидал много подобных дидаскалов, странствующих между городами. В каждом они неизменно находили благодарных слушателей. Тем и кормились. А собрав плоды «мудрости», уходили прочь. Искали иных жаждущих, голодных до простых ответов. По небольшой цене.

Местный же учитель отличался. Безбородый мужчина, лицо обветренное. Рыбак или моряк. Сложно судить, ведь в Циралисе все люди связаны с морем. Широкий пояс – единственное отличие мужчины от паствы. Пояс походил на те, что используют военные. Но оружия при себе у мужчины не было.

Эта секта основана не на патриархальных устоях. В группе две женщины, они так же слушали проповедь старшего. Не вмешивались, не задавали вопросов.

– Больше ждать нельзя, – заговорил дидаскал. – До восхода мне необходимо вернуться. Он не сказал куда. Минурт все понимал из контекста.

Чужака не заметили. Сектанты построились в колонну и по тропинке направились к холмам. Уже издалека заметны темные провалы. Трещины взрезали подошву холма, образуя сотни проходов, тоннелей. Сеть их протянулась на ту сторону, облегчая работу контрабандистов.

Камни из выработки использовали для строительства Циралиса, а потом для устройства некрополя. Потому так много каменных построек в городе мертвых. Не было нужды тянуть шахты в глубину холма, достаточно пробить отверстие рядом. Так и образовались многочисленные входы в тоннели.

Лучшего места для тайного сборища не придумать.

Минурту пришлось держаться ближе к группе, идти тенью за ними. Это не составляло труда. Мистик шел легко, наступал мягко, не тревожа мелкие камешки под ногами. В темноте он чувствовал себя уверенней, чем сектанты.

Группа продвигалась медленно, с ругательствами. Дергающийся огонек лампадки грозил погаснуть.

Спустились на несколько футов под землю. Над головой нависали тяжелые камни. Гниющие столбы подпирали потолок. Завалы превращали спуск в блуждание по лабиринту. Каждый шаг людей отдавался грохотом, гулом, усиленным сжимающей их тишиной. Неуверенный огонек лампадки светил ярче солнца в подземной тьме.

Пляшущие на стенах тени скрывали тайнопись, оставленную контрабандистами. Наверняка власть знала о незаконной деятельности, но не вмешивалась. По понятным причинам.

Потому контрабандисты не трогали сектантов. Не желали шуметь в своих тоннелях.

Старая выработка закончилась, потянулась сеть естественных тоннелей.

Воздух не двигался, потому огонек лампадки разгорелся во всю мочь. Тени людей растянулись, преследуя группу сектантов. В одну из теней переместился Минурт. Когда останавливался замыкающий, останавливался и преследователь.

Видно, что люди чувствуют себя чужими здесь под землей. Они знали маршрут до святилища, но все равно боялись. Теперь от них не дождешься ругательств, по ритму дыхания читались все их страхи.

Они пытались идти тихо, ступали осторожно, но шума от этого рождалось еще больше. Огонь в лампадке шипел и плевался, но даже ему не удавалось перебить запах плесени.

Этот неистребимый запах подземелий.

Минурт ухмыльнулся. Следующую седмицу запах подземелий будет дожимать его.

На тоннелях более не было тайных знаков, но учитель нашел верный тоннель и привел паству в пещеру.

Помещение укрупнили, стены по возможности обтесали. В образовавшихся нишах хранились свертки.

Минурт остановился в тени у спуска в пещеру, отсюда все прекрасно видно и слышно. В пещере могло бы поместиться тринадцать человек, но пятерке живых составили компанию только три мертвеца в саванах.

В центре находилось два камня, их верхнюю часть стесали, чтобы получилась ровная площадка. На нее бросили столешницу, накрыли льняной тканью. Белая материя, украшенная вышивкой. Обычные пальметты, указывающие на растения, которые местным видеть не доводилось.

Лампаду наконец поставили на стол. Из-под тела, расположенного в торце пещеры, дидаскал взял культовые предметы. Минурт прищурился, стараясь рассмотреть их. В свете лампы блеснуло золото, хотя это наверняка позолота, покрывающая бронзу.

Минурт чуть не присвистнул, увидав светильник с шестью рожками. В каждом рожку установлена свеча, почти огарок.

Свечи дорого стоят, их не так просто раздобыть. Для небольшой группки верующих восковые свечи были большим богатством, чем подсвечник из бронзы.

Но не это удивило Минурта. Сам предмет знаком. Подобные светильники украшают храмы его родины. Впрочем, чему тут удивляться. Минурт обнаружил хвост слухов о новом культе как раз в Тирине. Именно там зародилось это верование.

Как далеко занесло идеи. Быстрее только чума распространяется по свету.

Свечи зажгли, пещера озарилась светом. Теперь она не походила на мрачное подземелье, а стала уютным домом. Местом, где дух успокаивается, а телу ничего не угрожает.

И мужчины, и женщины выставили на стол тарелки – каждый собственную. У этой группы не принято есть из общего котла. Еда общая, но посуда личная. На льняную ткань положили два каравая и горсть оливок, изюм.

Совсем не похоже на те описания, что слышал Минурт. Слухи обманули. Эти люди поклонялись не смерти, а жизни. Они боятся материального мира, потому ищут спасения в духовном.

Можно уходить. Ничего нового он не найдет. Осколки истинного знания тусклы и бесполезны. Проложив длинный путь, Минурт не хотел уходить ни с чем. Пусть подобный осколок уже имелся в коллекции, не мешает изучить очередной. Заодно сравнить, как в различных частях света воспринимают идеи. Как их изменяют, подстраивая под свои нужды.

– Братья и сестры, – начал дидаскал, – прежде чем начать трапезу любви, возблагодарим Архонтов.

Люди отстранились от тарелок, склонили головы.

Дидаскал возвел глаза к потолку, обратился с просьбой о милости к духам-мироправителям. На потолке имелись изображения. Минурт не мог их разглядеть, находясь выше в тоннеле.

Помолившись, группа принялась за трапезу. Чинно, степенно, словно они не изнывали от голода. Ложки не использовали. Простую еду можно есть руками. Хлеб и горсть плодов умяли в мгновение.

Поблагодарив за добрую трапезу, дидаскал поспешил загасить свечи. Пещера вновь погрузилась в темноту. Лишь лампада освещала уставшие, но довольные лица людей. Они насытились. Не едой мирской, а пищей для духа.

Сама проповедь последовала за трапезой. Шестисвечник служил и украшением, и атрибутом культа. Учитель говорил о духах покровителях, переживших тридцатый цикл миротворения. Наступает конец цикла, за которым последует тьма и забвение. Огненные воды Бездны выплеснут наружу орды мертвецов...

Минурт слушал внимательно, запоминая каждую деталь. Уже слышанный рассказ, бесполезные слова. Чем меньше группа верующих, тем больше разрушений в рассказе их учителя. За редким исключением учителя в сектах обделены даром воображения.

Скуки не было, но и вовлеченности Минурт не ощущал. Ему пришлось иссушить собственное восприятие, чтобы впитывать пресные воды проповеди. Это не вина дидаскала конкретно этой группы – его последователи сбились в кучку, прижавшись друг к другу. От их тел пахло страхом, перебивающим аромат вчерашнего пота.

– В мире рассеяны семена света, которые Абаркас оставил для нас.

Минурт вздернул нос, учуяв странный запах.

– Долг наш собрать их и вернуть к источнику.

– А где источник, отче? – осмелился перебить учителя слушатель.

– Источник потаен в самом сокровенном месте. В нас с вами. Познавшие тайный смысл бытия, несущие свет истины способны восстановить Истину. Им в помощь придем мы, люди пневы.

– Трудно нам придется.

Группа закивала, поднялся шум. Учитель дождался, пока стихнет шум и продолжил.

– Плотские люди не худший враг наш. А кто наш враг?

– Люди веры! – крикнул один.

Не первый раз он слышал проповедь, знал ответ на каверзный вопрос.

– Верно! Люди, что лишь верят, но не достигли истинного познания. Истина им недоступна по слепоте их. Обряды, заговоры, ритуалы закрыли им глаза. Нам же пришлось отрезать собственные веки. Видеть и бодрствовать ежечасно!

Учитель назвал имя бога, неизвестное Минурту. Это уже само по себе необычно. Мистик полагал, что знает всех богов, рожденных человечеством. Генезис архонтов долог, труден. Явление это нередкое, конечно, но случается не каждый день. Минурт знал всех, рожденных за последнее время.

Этот же новый. Незнакомец.

Но не это удивило Минурта.

К его сожалению, дидаскал более не упоминал в проповеди осколки потустороннего света.

Не могут же сектанты знать то, что знал сам Минурт. Это просто невозможно. Организация не делала тайн из существования осколков истины, профанам это не понять и не постичь. Тут не поможет практика, принятая в иных культурах, где за честную плату тебя посвятят в таинства. Даже воинские культы, куда по определению не принимают посторонних, открыты для познания.

Осколки потустороннего света, рассеянные в мире – об этом знали коллегиаты Минурта. Ни один чужак не познал тайны.

Услышанное напугало Минурта. Впервые за долгое время он испытал страх.

Гость забыл как дышать, как двигаться. Превратился в истукан. А сектанты в это время, закончив проповедь, занимались своими делами. Женщины принялись за вязание, склонившись к янтарному огоньку единственной лампадки. Пещера погрузилась в темноту, но даже крох света хватило сектантам, чтобы заняться благочестивыми делами.

Дидаскал перематывал тела усопших, смазывая останки ароматными маслами. Мужчина из учеников пытался рисовать на стене, двое других беседовали.

Время отмеряли они по горящей лампаде. Огонь доедал масло и фитиль, чадом напоминающая людям, что пора уходить. Сектанты собрались, покинули пещеру, пройдя мимо остолбеневшего Минурта, не заметив его в каком-то шаге.

Край туники коснулся колена Минурта, выведя его из оцепенения.

Он вздрогнул, моргнул. Группа уже покинула тоннель. Оглянувшись, Минурт увидел сжимающийся тисками тьмы огонек лампады. Сектанты уходили, оставляя гостя в полной темноте.

Странное оцепенение долго не проходило. Погрузившись в собственные мысли, Минурт забыл, что остался в темноте незнакомых подземелий. Это его не беспокоило. Он выпрямился, колени щелкнули. Звук в окружающей тишине походил на гром.

Спустившись в пещеру, Минурт сбросил котомку на один из камней. Стол убрали, в воздухе висели пылинки, пропитанные запахом тлена и ароматных трав. Из котомки Минурт вынул кресало и кремь. Ударяя металлом о камень, он высекал искры. Рожденного на мгновение света хватало, чтобы рассмотреть фрески на потолке.

Не ремесленная работа. Фигуры лишены пропорций, перспектива не выдержана. Рисовавший не имел знаний о колористике. Рисовал, что называется, от души. Мелкие человечки, треугольники с угольными ручками, воздетыми к небесам. Среди изображений преобладала рыба, несущая на спине корзинку с хлебом и виноградом. Рыба улыбалась зубастой пастью. Это не был дельфин, тот изображался рядом с зубастой рыбой.

Нет, этот культ точно не тиринский. Там он зародился, пройдя долгий путь, лишился восточной сладости и лживости.

Ловцы душ издавна известны мистикам, коллегам Минурта, но изображенные здесь существа иные. Их можно трактовать как приглядывающих за смертными, но Минурт чувствовал, что в символе кроется нечто иное.

Глубинное, древнее.

Существо нашло способ выйти в материю, вынудив одного из последователей нарисовать себя. Это изображение шло из души, порожденное чем-то могущественным. В глазах рыбины ощущалась ледяная Бездна.

– Из какого царства явился ты? – пробормотал Минурт.

Продолжая чиркать, он озарял подземелье светом. Падая вниз, искры гасли, утопая в болотистом запахе. Аромат трав и тлена почти рассеялся. Свежая фреска, выполненная почти в полной темноте, схематично изображала феникса, символ возрождения.

К сожалению, Минурт не услышал про рожденного бога. Дидаскал не упоминал ничего, кроме имени. А ведь именно слухи о подобном чуде привели мистика на запад.

Найдя под покойным шестисвечник, Минурт в искрящем свете разглядывал его. Пальметты на основании, павлиньи перья удерживают огарки. Работа не тиринская, скорее из Кемила. Потому символика, принятая в речном царстве.

Понимают сектанты или нет, что их учение впитало в себя различные элементы во время странствий. Но в этом синкретичном учении крылось нечто странное, словно под тяжестью опавших листьев оно напряглось и ждет мгновения для прыжка.

Нечто с оскаленной пастью и отсутствием жажды крови. Холодное, идущее из глубин.

Подсвечник Минурт положил на место. Разглядывать покойника он не собирался, но срезал пропитанный ароматными маслами лоскут от савана. Ткань он убрал во флакон и плотно закупорил.

Ни тьма, ни тяжесть размышлений не мешали рукам работать.

Закончив, Минурт покинул катакомбы. Он не знал пути назад, у него не было факела или лампадки. В полной темноте он брел по незнакомым тоннелям, а мысли его заняты разбором проповеди дидаскала.

Судьбой не предрешиено, что тиринец погибнет в подземельях. Минурт вышел на поверхность, взглянул в сторону востока. Горы скрывали солнце, отодвигая время рассвета на два часа. Ночь длиннее, чем на родине. Тем лучше. Еще есть возможность посетить странный храм циралиских торговцев.

Минурт направился к воротам.

Для провинциального города ворота огромны. Минурт видел и больше. Сейчас, в середине ночи ворота Циралиса создавали впечатление неприступности, монолитности. Черная громада, защищающая стены.

Над парашютом парили призрачные огни, рождаемые жаровнями и лампадами. Теплая ночь идеально подходит для патрулирования стен. Чужак чувствовал себя не особенно уютно, хотя ему доводилось проводить ночи в пустыне.

Калитка заперта, ворота не откроются до утра.

Минурт поднял руку, собираясь постучать в калитку. Можно привлечь стража, предложить ему золото. Блестящий металл откроет дверь и закроет глаза стражу. Минурт этого не сделал.

Вместо этого, чужак сбросил мешок на землю и принялся копать в нем. В темноте без света долго искал пузырек. В его котомке хранилось с десятков стеклянных флаконов – сами по себе ценные предметы. Хранились они без всякого порядка, просто навалом в заплечном мешке. Словно в них дешевые духи.

Ухватив нужный флакон, Минурт вынул его. Затянул горловину мешка и забросил за спину. Флакон закрывала смоляная пробка, которую Минурт скovyрнул зубами. Во рту появился вкус горечи – не от пробки, на язык попало несколько капель вещества.

Легкое онемение, в голове зашумело. Едва ли Минурт обратил внимание на это. Он поднес флакон к дверным петлям и подождал. Содержимое внутри флакона нагрелось от тепла рук, из горловины поднимался бесцветный пар. Испарения не могли разъесть металл или дерево, не этого добивался гость.

Есть народы, чьи воины сильнее башен и стен, а есть другие. Стражи в Циралисе как раз из второй категории.

Их защищают высокие стены, хитрые защитные сооружения, но они все равно остаются людьми. Слишком слабые и подверженные влиянию.

Подождав, Минурт закупорил флакон и убрал его в мешок.

Отсчитав сорок ударов сердца, гость постучал в калитку. Сначала ничего не происходило, затем на той стороне послышался скрип засова. Калитка отворилась. В проеме находился страж, чьи глаза покраснели. Выглядело это так, словно он пил всю ночь, не спал несколько суток.

Минурт толкнул стража в грудь, заставляя уступить дорогу. Узкий проход освещен одной лампадкой, на той стороне калитка закрыта. Минурт прошел тоннель, отворил калитку и вышел в Циралис. Он не оглядывался, зная, что страж все так же стоит на входе.

Возможно, наваждение отпустит стражника и тот поспешит закрыть дверцу. Снадобье сильное, человек может никогда не очнуться.

На улицах пусто. Лишь в порту видны огни. На портовых башнях загасили огни, чтобы не выдавать врагам положения полиса. В отдалении слышен смех, кто-то шел по улице, стуча деревянными башмаками по мостовой. Горожане развлекались, спеша урвать толику наслаждений у мира, катящегося в пропасть.

Так сложно изменить собственный уклад. Беды внешнего мира, казалось, не трогают тебя.

Минурт направился в порт, следя за танцующими огнями. Сейчас ему не требовался корабль. В портовом районе расположен храм местного бога. Именно местного, потому что Минурт не слышал о нем в иных землях.

Его наставники утверждали, что не стоит недооценивать провинциальные культуры. Случается, что они перерастают в нечто большее. Вбирают в себя премудрости соседних народов, преобразовываются, подстраиваясь под нужды последователей.

Очередная крупица знаний не помешает.

Ни темнота, ни запутанность улочек не мешали чужаку найти дорогу вниз. Минурт не чувствовал голода, усталости, хотя понимал, что телу необходим отдых. Проблема всякого мистика в отрешенности от собственного тела.

Минурт мог припомнить десяток историй, одна страшнее другой, о том, к чему может привести подобное состояние. Наставники использовали эти истории с целью напугать, не всегда это оказывало эффект.

На площади перед храмом никого. Ларьки разобраны и убраны. Торговцы не оставляли их на ночь, боясь, что детали унесут. Полис не страдал от недостатка древесины, ближайšie холмы еще богаты деревом, но готовые стройматериалы нужны всем.

Ворота закрыты, сам храм утонул в темноте. Не видно ни огонька, хотя казалось бы, во всяком храме хоть один жрец да страдает от бессонницы. В этом же не работали переписчики, спал казначей и старший жрец.

Приземистый храм в ночи походил на шмат старого мяса. От него ощутимо веяло морским холодом и солью. Запах напоминающий кровь. Не человеческую, но морских чудищ из сказок моряков.

Исчезли серые колонны, подпирающие фасад строения. Металлическая дверь утонула в ничто. Слегка угадывался стилобат или это обман зрения. Минурт видел то, что хотел увидеть.

Территория в храмовом комплексе выглядела безжизненной. Многие народы презирают собак, но все же выпускают псов бродить по территории.

Постояв у ворот, Минурт не заметил ничего. Нет движения. От монолита храма равномерно веет холодом, но это не ветер, не бриз. Просто ощущение. В отдалении слышится плеск, но не в стороне порта. На территории храма расположен пруд, понял Минурт.

Место не так просто, как казалось.

Душу ранило сомнение, просочившееся через десятилетия учености и опыта. Ни курганы пустошей, ни гробницы кемилский царей не могли смутить его душу. Зато простой храм в небольшом городе на варварском западе – смутил.

Минурт понимал, что ощущение не возникло на пустом месте. Другой сбежит, не выполнит долг. Забудет о произнесенных клятвах. Минурт не мог отступить. К тому же, убоявшись гнева локального бога, Минурт позволит ему обрести власть над собой.

За всю историю коллегии подобного не случалось. Минурт не собирался становиться первым, чьим именем будут пугать неофитов.

Ворота низкие, перебраться через них не составило труда. Жрецы не беспокоились, что найдется смелый или глупый вор, решившийся проникнуть в теменос. Минурт явился сюда как вор. Такой же вор, как торговец. Вещи из его запасов имеют особенное происхождение.

Не владея ничем, он владеет всем.

Оказавшись по ту сторону, Минурт не ощутил перемен. Все так же ползут по небу облака, скрывающие звезды. Громада храма никуда не делась, она все так же куталась в вуаль темноты. Строение ждало рассвета, чтобы выплыть из небытия, представ перед людьми в своем сером, приземистом теле.

Минурт видел дух этого храма. Видел он, что при его приближении ничего не поменялось. Обитавший здесь бог, просто не обратил на мелкого смертного внимания.

Что ж, придется совершить нечто большее, чтобы заставить бога поделиться частичкой могущества.

Только смерть может ослабить узы клятв, стягивающихся удавкой на шее Минурта. Она не освободит его, только откроет новые возможности для исполнения священной миссии.

Глава 4

Не скрываясь – а зачем, живых поблизости нет, – Минурт направился к храму. Священный участок вокруг него выглядел заброшенным, на истертых камнях трещины образовали замысловатый узор. Змеящиеся провалы сходились к храму, прикрепились к нему, как ноги. В любом ином храме между камнями росла бы трава. Послушники борются с ростками, но все выдернуть не удается.

Минурт не раз наблюдал, как послушники ползают на коленях по теменосу. Его эта участь миновала. В катакомбах даже плесень не встречалась, а сколопендры и пауки не вредили служителям культа.

Храм циралиского бога напоминал катакомбы. Это сравнение не понравилось Минурту. Он думал, что подземелья уникальны. Населяющие их духи особенные. Отыскать нечто похожее на западе – пугающее знание.

В холодной душе Минурта поднимался страх.

Он не удивился, что не знал о существовании подобного места. Ведь варвары не знали о существовании Храма, живущего в сердце Тирина. Храм не питал Тирин. Подобные места не способны питать.

Храм Циралиса в чем-то похож.

Вблизи призрачный морок развеялся. Минурт видел приземистые и массивные колонны, поддерживающие свод. Стилобат из трех ступеней достойных бога, дубовые двери, чья бронзовая фурнитура страдала от соседства с морской водой.

Камень стилобата, колонн выглядел темным, пропитанный влагой. Щербатые барабаны покрывали наросты соли.

Подняв глаза к фасаду, Минурт ожидал увидеть фриз. Из темноты на него смотрел мужчина, чьи ноги заменяли змеи. Знакомый образ, уже виденный Минуртом на севере. На стенах имелись старые или состаренные барельефы, изображающие зубастых рыбин и длинношеих птиц. Минурт узнал гусей, а вот с рыбинами вышла проблема. Они походили на дельфинов, но этим созданиям не место в холодном храме.

Дельфины считаются спутниками добрых божеств. К людям эти рыбины настроены добродушно.

Циралиские суда несли украшения в виде гусиных голов. Выходит местные торговцы так обозначают принадлежность кораблей.

Символика непривычная, ведь гуси ближе небу и земле, чем морю.

В этом следовало разобраться. Но без объяснений жреца или изучения священных книг, ничего не получится. Минурт понимал, что забрел на темную половину дома. Выводы придется делать самостоятельно.

Чем сложнее задача, тем приятней ее решить. Эмоции в последнее время все чаще пробиваются через броню опыта. Минурт остановился и проделал дыхательные упражнения, пытаясь загнать непрошенных гостей обратно в закоулки сознания. В его работе требуется холодный расчет, ведь духи всегда стремятся найти слабину в человеке.

Нет эмоций, нет слабости.

Другие могли возразить: эмоции следует использовать, направлять. Опыт мистиков Тирина доказал ошибочность подобного утверждения. Лишь холодный разум способен вынести воздействие потустороннего.

Минурт прикоснулся к дверному кольцу. Пальцы обжег ледящий холод. Тело пыталось инстинктивно отдернуть руку от вредного воздействия. Минурт понимал, что этот холод

не нанесет ему большого вреда. Пальцы обхватили кольцо, холод усилился. В кожу впились частички ржавчины.

От двери пахло морем и ржавчиной. Напоминает кровь.

Местные жрецы умело украсили дом сурового бога. Ступени влажные не от потустороннего воздействия – их ежедневно смачивали морской водой. Потому камень не высыхал, пропитывался влагой. В трещинах задерживалась вода, не успевала протухнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.